ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

25-го ноября 1929 г.

ПРАГА

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ

48

25-го листопада 1929 р.

PRAHA

РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Любовь Самсонова:* Баллада.
2. *Н. Нечуй-Левицкий:* Архип Наумыч.
3. *С. Савицький:* На степу козачі лави.
4. *Делавранч:* Великий Князь.
5. *В. Карпушкин:* Памяти павших.

---

6. Памяти А. И. Кулабухова.
7. *Ис. Быкадоров:* „Голутвенные казаки".
8. *П. И. Кокунько:* Я. Т. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.
9. *А. А. Гейман:* Героическая девушка.
10. *Сергей Макеев:* Памяти А. И. Кулабухова.
11. *Ис. Быкадоров:* Язык цифр.
12. *М. Самсонов:* Очерк по истории физического развития и воспитания.
13. Думы и мысли.
14. Казачья эмиграция.
15. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Франция. — А. Л. — Посылается. Привет.
Земун. — П. К. — Все получено. Привет.
Югославия. — А. Г. —Получено. Привет.
Париж. — Е. Я. — Получено. Ответ будет. Привет.
Болгария. — Я. Л — Получено. Привет.
Румыния. — В. Е. — Все получено. Спасибо. Привет.
Загреб. — Ф. П. — Получено. Ответ будет. Привет.
Болгария. — И. У. — Будет послан. Привет.
Югославия. — Г. Т. — Получено. Привет.
Франция. — С. М. Получено. Привет.
Подкарп. Русь. — В. К. — Одержано. Відповідь буде. Вітаємо.
Болгария. — А. К. — Посылается. Привет.
Београд. — М. — Сообщите редактору свою настоящую фамилию и адрес.
Харбин. — П. К. — Получено. Посылается. Привет.
Германия. — А. Т. — Будет помещено в следующем номере.
Румыния. — Е. Е. — Получено. Подойдет. Привет.
Югославия. — А. З. — Пишите дальше. Ответ послан. Привет.
София. — Т. Л. — Получено. Привет.
Париж. — П. К. — Получено. „Наставление" — нет. Привет.
Франция. — Т. Л. — „Календарь-альманах В. К. на 1930 г." к сожалению бесплатно рассылаться не будет. Кого из казаков интересует своя казачья литература, кто хочет читать казачью книгу, тот должен помогать и издавать ее. Нельзя же все время рассчитывать на других, что кто-то другой позаботится о казаках и сделает для них даром. Вот когда заставляли платить в какую нибудь „казну", так платили же... Мы думаем, что казачья эмиграция нас поддержит в нашем начинании дать казаку в руки свою казачью книгу.
Только при таких условиях можно надеяться на то, что появится, наконец, на свете казачья литература и займет подобающее ей место в жизни казачества.
Болгария. — К. Я. — Книгу Б. Кундрюцкова „Казак И. И. Гаморкин" лучше всего выписать от автора: Белград, Драгачевска, 15.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **А. А. Персидсков.**
В ПОДЄБРАДАХ: **Ф. М. Штовхань.**

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов.

София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom".

ВО ФРАНЦИИ.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).
Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Е. М. Якименко: M-eur Yakimenko,
44, rue Rouelle, Paris (15).

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff,)
21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 48 *Прага, понедельник 25-го ноября 1929 г.* *№ 48*

Любовь Самсонова. (*Прага*).

БАЛЛАДА.

Я пришла для того, чтоб подслушать напевы
Степовых легкодуев ветров,
Чтоб найти по весне на обсохших сугревах
Первый цвет голубых васильков...
Я ищу на пыли позабытой дороги —
След, ушедших в забвенье племен.
Я стараюсь услышать, склонившись к отрогам,
Легкий шорох, текущих времен.
Бабам каменным в очи гляжу я пытливо,
С ними долго веду разговор...
С легкой змейкой, скользнувшей под камень игриво, —
Я рисую по травам старинный узор...
Чьи то руки чертят быстролетные знаки,
Чей то шопот над ухом летит,
Чей то голос поет незнакомый и сладкий,
Чей то голос поет и звенит,
Чьи то крылья трепещут в полете бесшумно,
Чей то вздох овевает лицо...
И ступаешь по травам легко и бездушно
Легких грез завивая кольцо...
Сонным маревом дышут цветущие травы,
Ткут видений трепещущий рой...
Чье то войско несется рассыпанной лавой...
Чьих то труб угрожающий вой...
— Это легкие призраки бывших народов,
Это души убитых бойцов,
Это бледные тени плетут хороводы,
Славят тризну по славе отцов!
Я сажусь у подножия каменной бабы
И читаю никем незаписанный сказ,
И рукою своею, и робкой и слабой, —
Я стараюсь создать этих снов пересказ...

Н. Нечуй-Левицкий. (*Прага*).

Архип Наумыч.

С Архипом Наумычем я сошелся в Чехии на рабогах: простое, добродушное казачье лицо, ничем не замечательное и легко забывающееся. И тем не менее судьбе было угодно, чтобы оно запечатлелось в моей памяти навсегда.

Работа нам попалась незавидная: 11 часов в сутки копали песок и грузили им вагонетки. До обеда еще куда ни шло, а после обеда время тянулось, казалось, целую вечность. Когда, наконец, гудок возвещал эти столь желанные 6 ч. вечера, с трудом разгибаешь спину и еле поднимаешь ноги: как будто свинцом налились и не они тебя, а ты их с усилием волочишь домой. Прийдешь, свалишься, словно калека, в постель и чувствуешь, как ноют во всем теле измотанные мышцы.

А утром, когда безжалостный будильник задребезжит в 5 ч., посылаешь миллион проклятий горькой доле эмигрантской. Словно за ночь пришили тебя к постели, так тяжело с ней расставаться; как будто прирос к ней и она стала частью твоей бренной плоти.

Идешь к месту работы злой, продрогший и молчаливый. Весь с'ежась, берешься за мокрую от росы вагонетку и чувствуешь, как холод от нее проникает в самую душу.

Мне труднее приходилось, потому что дома у себя я тяжело не работал. Архип тянул лямку без заметной тягости, так как у себя в хозяйстве к этому привык. Зато у меня было утешение, что работаю я временно, чтобы скопить к зиме кой-какую деньгу, когда

я начинал учиться. Я жил сладкой надеждой, что поработаю еще пару летних каникул, а там закончу образование и перейду на инженерское „положение".

Архип этой надежды не имел. Он был простой, малограмотный станичник и было ему уже лет под сорок. Зато у него была иная причина не падать духом: жену молодую, горячо любимую, оставил он дома и сынишка 11 летний был у него.

У нас уже так повелось, что с утра мы работали молча: туманное, холодное утро не настраивало к беседе. Но часам к 10, когда хилое, осеннее солнышко подымется в небе и разгонит мглу, на душе немного отляжет и язык просится к делу.

Начинал обычно Архип:

— Слышите, Митрош Сергеич, а сон мне сегодня сдался, будто моя Малашка со мной была... Такая румяная, кряжистая стала... И Кирюша-пострел будто сидел у меня на коленях. Все крутил мои усы. Должно быть, уже большой... Шесть годочков, как от дому отлучился.

— Думаете много о них, оттого и снятся, отвечал я.

— Как не думать, Митрофан Сергеич. Для них только и живу, вздыхает бедняга, энергичнее вонзая кирку в твердую породу. — Кабы не семья, крест тебе святой, быть бы мне уже покойником. Вот вы, к примеру, скончите эту самую технику и инженером будете, строить будете. А я что? Серый я, никому ненужный. Как скотинку, держат меня хозяева за мою силушку. А не будь силушки — никчемный я, негодящий... На улице подох бы и никто не подобрал бы. Народ тутошний холодный, намедни расчетливый... Ох не хотелось бы среди них помирать!

— Ну, Архип Наумыч, не нагоняй тоску. Не пристало казаку скулить. Скоро домой поедем. Грызутся между собой собаки кремлевские...

— Оно бы ужо пора! Пятый годок маюсь на чужой сторонушке. Засиделись, черти красные, там наверху, в хоромах царских. Не устали еще Тихий Дон поскудить.

Архип Наумыч помолчит, задумается, а потом, весь просияв, восклицает:

— Эх, сердешный Митрофан Сергеич, кабы Господь привел вас в мою станицу попасть! То то бы пир горой закатил.

Потом снова взгрустнет и как бы про себя добавляет:

— А сколько было добра! Как по тутошней алюте, на сотню тысяч набралось бы... Верите? Нет, вы по благородному скажите, верите?

— Чудак вы, Архип Наумыч, почему бы мне не верить. Сам ведь с Дона и тоже всего вволюшку имел... Все потерял, вернее — мои родители и Богу душу отдали...

— Проклятые антихристы московские! Опоскудили наш благословенный Дон, с сердцем выругается Архип Наумыч. — Все опоганила босярва расейская, растащила, заплевала, задушила. Ведь не наше все это, Митрофан Сергеич, не казачье и нам ненужное. Своей болезнью они нас заразили и лечиться не дают, окаянные! Ох, не люблю я, не люблю ту голытьбу расейскую! Очи завидущие, руки загребущие...

Но стоило Архипу Наумычу вспомнить о семье и он снова становился мягким и добрым:

— Эх, справедливость, есть ли ты на свете? — грустно вопрошает бедняга. — Ну, хоть бы с жонкой натешился всласть, а то ведь урывками все у нас... Так, вспоминаючи, и не знаю, женат я, аль холост... Одно скажу, Митрофан Сергеич, жонку добрую послал мне Господь. Должно быть за лишения мои тяжкие... От свадьбы еще ни разу с ней не перечался. Другие хохолей имели, когда мужья на фронт ушли, а моя ни шагу из дому. На что мать у меня строгая, а не нахвалится бывало невесткой...

И расчувствованный Архип Наумыч весь преображался, приобретая вид большого доброго ребенка.

— А вероятно вы, Архип Наумыч, и деньженку кой какую сберегли за эти годы? — интересовался я.

— Да, эмигранщина для меня зря не прошла, — признавался он. — Не люблю я, правду сказать, эту самую Европу, а многому у нее научился. Сейчас каждой соломинке цену знаю. А то, бывало, сколько добра у нас пропадало без толку! Гниет под дождем и ветром портится, а тебе и в голову не прийдет, что его можно перевести в копейку. А возьмите вы здешнего хозяина, так он вам из воздуха выжимает монету. Собаку и ту не оставит в покое; корова у них в плуге ходит. У нас на коровах пахать срам то какой был бы, соседи засмеяли бы. А здесь ничего, так полагается. Все что дышет и ест, должно работать. Ничто не пропадает даром, каждая сила прилагается, каждая тварь используется. Какую уйму деньжищ мы бы имели, Митрофан Сергеич, если бы жили, как они.

— Эх, расточи вас живьем черви, супостаты московские, что домой через вас нельзя ехать! Руки горят, так бы работал сейчас, если бы дорвался до родной земли. Сына многому полезному научил бы, а то растет лядащий без досмотру отцовского... И я когда то был лядащий, а вот здесь научился трудиться. Чужое ведь, а работаю, как для себя. Хозяева довольны...

— Ну, а я признаюсь, что работаю через силу. Устал, Архип Наумыч. Кабы не надо, все полетело бы к черту.

— Ради семьи тружусь, Митрофан Сергеич. Иногда бы и я не прочь передохнуть, а как вспомню, что где то сын махонький и жена нуждается, так сразу наместо рук почувствуешь крылья. Кто же им сердешным поможет, как не я — муж и отец. Обобрали их до рубашки, воры российские. Бедствуют, жена пишет. В брюхо еще есть что положить, а на себя ни-ни. Отсюда посылаю им эту самую мануфахтуру.

Мне оставалось только удивляться железной выносливости этого человека. Я обыкновенно лишь только кончался трудовой день, с жадностью наброшусь на еду, а потом камнем падаю в кровать. Архип же Наумыч находил в себе еще силу и терпение работать в сверхурочные часы.

Приближалась школьная пора. Мне нужно было бросать работу: кой что за лето подработал, главное же — адски надоело и я старательно отсчитывал те дни, которые мне еще предстояло оставаться в шкуре вьючного животного. И погода дрянная пошла: настоящая осень, гнилая туманная и насквозь пронизывающая. Захотелось отдыха, тепла, уюта.

Мой добрый Архип Наумыч немного взгрустнул, когда узнал, что я собираюсь от него уходить:

— Скучно будет, Митрофан Сергеич. Вдвоем как то легче сносить кручинушку.

— На следующее лето снова сойдемся, Архип Наумыч — ободрял я его. Да и вряд ли вам дадут скучать. Определенно хозяин возьмет еще кого нибудь в помощь.

— Да, какого нибудь чеха, с которым и поговорить то не о чем. Трудно с ними, Митрофан Сергеич. Они — рабочие и душа у них совсем иная, а я — землероб. Я их не понимаю, а они меня, хотя одинаково горбом своим зарабатываем кусок хлеба. Всю твою душу вымотают этими постоянными приставаниями: по какому праву отнимаешь у них заработок, зачем выступал у белых против рабочего класса, почему не едешь и т. д. Непонятно им наше несчастье, врагов своих в нас видят...

Однажды, придя с работы, я нашел в дверях письмо. Оно было Архипу Наумычу. Как раз перед этим он месяца полтора не получал из дому вестей и это его чрезвычайно беспокоило. Сейчас, держа в руках письмо, я сам испытывал известное облегчение, радовался, что мой товарищ будет иметь радость.

Как только он вошел, я протянул ему грязный, измятый конверт с расплывшимся советским штемпелем и весело проговорил:

— Ну, не говорил я вам, Архип Наумыч, что ваши тревоги напрасны? Получайте!

Его усталое лицо просветлело, глаза заискрились. Дрожащими руками схватил он письмо, нетерпеливо разорвал конверт и жадным взглядом впился в революционно покрывшиеся строки.

Чисто машинально я наблюдал за ним. Но что это? Брови вдруг сдвинулись, улыбка сошла с лица, как исчезает солнечный свет за набежавшими тучами. Еще немного — и мой добрый Архип Наумыч со стоном повалился на кровать, схватившись обеими руками за голову. Как раненый, захрипел он, забился в конвульсиях, а потом зарыдал, протяжно и нудно. Безысходная то-

ска, лютое отчаяние слышались в его громких всхлипываниях.

Есть что то тягостное, обостренно неприятное в плаче сильного, взрослого мужчины. Становится как то не по себе, почему то стыдно, словно совершается перед тобой нечто позорное, уродливое, умаляющее достоинство мужчины.

— Архип Наумыч, голубчик, что с вами? — немного испуганно спросил я, не будучи подготовлен к подобной возможности. — Умер кто нибудь из близких вам?

Он ничего мне не ответил, только протянул скомканный, желтый листок бумаги и глазами, полными муки, смотрел на меня.

„Мой бывший супруг, Архип Наумович", — стояло в письме: — „Не хочу скрывать от вас правды и уведомляю, что наш брак разведен. Я выхожу замуж за человека, который меня полюбил. Я еще молода и грех случился, а штоб покрыть срам, стану его женой, потому што дите от него имею. Простите меня, что делаю вам больно, а иначе сделать не могу. Пусть меня Бог судит, а вы не осуждайте. Я осталась без мужа, а Кирюша без тятьки и тяжело нам было... А он партейный и нам много помог. О Кирюшке не стращайтесь, мой нонешний муж добрый и любит его, как своего. Ваша когдашняя супруга Мелания".

Я давно прочитал письмо, но все делал вид, что еще читаю. Я чувствовал на себе пытливо-страдальческий взгляд Архипа Наумыча, ощущал тягостную атмосферу, в которой очутился и растерянно молчал. Он ждал моего мнения, а его у меня не было. Ему нужны были совет, утешение, а я их не находил. Все, что бы я в эту минуту ни сказал, казалось мне бледным, недостаточным для данного случая.

У Архипа Наумыча снова дрогнули губы и потекли слезы по огрубевшим щекам.

— Стерва... Не прощу! — сквозь зажатые зубы процедил он. — Кирюшу возьму к себе, выхлопочу... полжизни отдам, а добуду сюда! А ее береги Господь когда нибудь повстречаться со мной!..

Он помолчал, утер слезы, но они снова заструились по лицу.

— Вот она матушка Рассея, наша родина, — горестно произнес он. — Лучшие годы свои отдал на службу царскую; добро, нажитое потом и мозолями, забрала босярва рассейская... Родины лишили меня царствующие каторжники, брата расстреляли, отца в тюрьме сгноили, а сейчас лишаюсь и последнего, самого дорогого, что у меня еще оставалось на этом свете, — подруги сердечной, супруги любимой... Теперь жизнь мне недорога. Теперь стану жить для сына и для мести...

Увы ни увидеть сына, ни отомстить за свои обиды Архипу Наумычу не было суждено. Судьба захотела, чтобы неправда торжествовала до конца.

Архип Наумыч сделался угрюмым, необщительным. Работал попрежнему добросовестно, но как автомат, часто не слыша полуденного гудка. Совершенно перестал интересоваться собой: не брился, редко умывался, спать ложился не раздеваясь. Хуже всего было то, что его рассеянность приняла угрожающие размеры. Один раз Архип Наумыч забыл во-время застопорить вагонетку, полную песку и она чудом не свалилась с десятиметровой высоты на головы работавших внизу людей. В другой раз, переходя улицу, чуть-чуть не попал под автомобиль и побледневший шофер крепко выругался, когда в последнюю минуту остановил машину, завизжавшую, как побитое животное.

— Архип Наумыч, возьмите себя в руки! — убеждал я его. — Этим делу не поможете, если будете себя так убивать мыслями. Помните, что у вас еще остался сын и для него вы должны себя беречь.

— Да, да, сын... Кирюша, — отвечал он, как бы пробуждаясь от сна. — Для семьи... собственно, для сына своего живу. Да... так бы уже не жил...

— Ну и делайте так, чтобы жить. Не рискуйте безрассудно собой.

— Не буду больше, Митрофан Сергеич, — виновато обещал он, но каким то не своим, деревянным, безжизненным голосом и я знал, что он уже не помнит того, что сказал. Он совсем затворился в себе, о мести перестал говорить, а только принял вид глубоко несчастного, смирившегося с судьбой человека.

Помню день, хмурный и гнилой, который врезался в мою память, как осколок гранаты и останется там до конца моей жизни.

Как всегда мы вышли на работу ранним утром. Уже недели две мы, по распоряжению хозяина, копали не вглубь, а подкапывали песчаный холм. Хозяин имел план снести холм, выровнять свою парцеллу, выгодно продать песок и на освободившемся месте построить какую то фабрику.

Мы уже основательно подобрали холм и с каждым ударом кирки он становился все отвеснее. Сыпучая порода тяжелыми, влажными глыбами отваливалась, рассыпаясь в мелкий, золотистый песок. Верхний пласт, однако, был из слежавшегося песчанника и, оставаясь нетронутым, все более нависал над нами. Работать становилось опасно. Хозяин запретил дальше подкапывать и велел образовавшийся уступ отваливать по частям сверху.

Было три часа по полудни. Мы осторожно стояли на уступе и намечали киркой линию, по которой должен был оторваться край обрыва.

Я находился в метрах трех от края, принципиально не желая рисковать из за мизерного заработка своею жизнью. Архип же Наумыч приблизился к самому обрыву и заглядывал вниз.

— Архип Наумыч, будьте рассудительны! — крикнул я ему довольно грубо. — Простите, что я вынужден говорить это вам, пожилому человеку, но я для вас не враг.

— Коли Бог не выдаст, свинья не сшамает. Бывал я уже в разных перепалках, а все еще жив, — отвечал он равнодушно и широко замахнулся киркой.

Внезапно я почувствовал, что почва колеблется под моими ногами, оседает. Архип Наумыч, бывший со мною на одном уровне, вдруг оказался на целый метр ниже меня.

Я молниеносно обернулся и побежал прочь от обрыва, чувствуя, как провалье настигает меня. Очутившись на устойчивом месте, я облегченно перевел дух и посмотрел назад. Холодный пот меня прошиб:

Уступ исчез на том месте, где был раньше. Он находился непосредственно у моих ног, хотя я отбежал метров шесть назад.

Я глянул вниз: беспорядочная куча песку, могучие глыбы песчанника поверх, пара деревьев, вывороченных с корнями и больше ничего. По Архипу Наумычу не было и следа.

С перехваченным дыханием и вз'ерошенными волосами скатился я вниз, крича так громко, как только позволял мой голос:

— Гало, помощь! Человек засыпан!

Навстречу мне с улицы уже бежали люди, привлеченные гулом обвала. От волнения я не мог говорить.

— Мой камарад... там! — прошептал я, показывая на кучу земли, прижавшуюся к свежему обрыву.

Вмиг появились кирки, лопаты, крючья. Откуда то пришли пожарные, замелькали черные каски полицейских.

Дружно принялись разгребать образовавшийся курган.

Немного успокоившись, я тоже присоединился к спасательным работам.

„Неужели мертв?" сверлила мозг тяжелая мысль. — „Быть может только помяло... Быть может удастся спасти", утешал я самого себя.

Но стоило глянуть на пятидесятипудовые куски песчанника, в беспорядке нагромоздившиеся на месте несчастья, чтобы надежда сменилась тупым отчаянием.

Больше часа добросовестно потели люди, прежде чем Архип Наумыч был извлечен на свет Божий. Но в каком виде!

В лепешку раздавленная голова, развороченные внутренности, переломанные ноги. Из разорванных грязных брюк жутко глядели раздробленные кости голени с клочьями мяса.

Золотистый песок, напоенный кровью, сделался бурым.

Все как то притихли вокруг, когда изуродованный труп был, наконец, освобожден из тяжелых, смертных об'ятий сырой земли. сняли фуражки, молча постояли и стали расходиться, делясь мыслями.

Только двое полицейских осталось у безжизненного тела. Один из них наклонился и осторожно, чтобы не выпачкать в крови белых перчаток, ощупал карманы усопшего.

— Дома все в сундуке. При себе он не имел обыкновения носить документы, заметил я.

Полицейский посмотрел на меня, но ничего не сказал, продолжая свое дело. Вдруг он выпрямился. В руках у него оказался какой то предмет. Я подошел ближе и увидел промоченную кровью карточку. Молодое, улыбающееся женское лицо весело глядело на меня, а на руках маленький карапуз с плаксивым личиком.

— Жена его? — спросил полицейский и в голосе его я уловил грусть.

— Да, ответил я уверенно, хоть Архип Наумыч никогда никому не показывал фотографии своих близких. Бедняга очевидно стеснялся даже мне признаться, как бесконечно дорога ему была его неверная жена.

С. Савицький.
(*Бразилія*).

НА СТЕПУ КОЗАЧІ ЛАВИ.

На степу козачі лави...
В сурмоньки заграли.
Козаки не для забави
Коней посідлали.
Піднімаються прапори...
В шаблі задзвонили.
Оживились степ і гори,
Тішаться могили.

То козацтво прилетіло
З чужини — вирію.
В бій, як вітер, полетіло
За козачу мрію.
Полетіло в бій за волю, —
В рабстві годі жити.
Як поляже, зійде кров'ю,
Вкриють тіло квіти.
Ще й заплачуть хмарки рідні
Над тілом козачим.
Ой, степи, в кайданах — бідні,
Скоро вас побачим...

Делавранч. (*Перевод с румынского В. П. Елисеева*).

Великий Князь.

Кто не знал после войны казака Ломилева?

Толстоватый, рыжеватый, с редкой щетинистой бородой и густым волосом на голове, прямо подрубленным на его бритой шее, он всегда скакал на своем малорослом и быстром коне, который знал столько чудес, что всякий бы мог надорваться от смеха. Конь этот по приказанию Ломилева падал на всем скаку на колени, крутил как-то забавно головой, притворялся мертвым, воскрешал.

Не менее оригинален был и сам казак Ломилев. Во-первых, он всегда пил. Пил, как настоящий казак. А во-вторых, он никогда не ходил молча. Никогда. Входя и во двор русского консульства с кипой бумаг в портфеле, он играл песни.

Однажды с хорошим моим приятелем Е. я гулял по лесу Бэнясы. Спорили о Золе. Мой друг утверждал, что то, что останется от этого писателя, будет только критик, система, направление, но артиста после себя этот писатель не оставит. Как раз в самом разгаре нашего спора, мы услышали отчаянный крик: „Турки! турки!"

Был Ломилев. С обнаженной на-голо шашкой, пьяный, едва держась в стременах, скакал он по лесу, ссекая шашкой ветки деревьев, с криком: „турки! турки!"

Ломилева знал и я. Не раз я угощал его спиртом, а он мне за это рассказывал немало интересного о войне. Увидев нас, Ломилев остановил коня. А потом, вложив в ножны долго неподдававшуюся ему шашку, спешился, приказав коню лечь на землю, что конь и сделал. Ломилев же, надрываясь от смеха и заплетая ногами, направился к нам. А подойдя, повалился на траву и начал ругать турок.

— Эй, казак, и теперь ты все думаешь о „турках?"

— О... о... о... слава Богу... протянул Ломилев, крестясь. И сделал рукой нечто вроде знака, как бы показывая, как когда-то рубились шашкой турецкие головы. Сделал жест, который обратился в привычку Ломилева после войны его с турками.

— Скажи, Ломилев, правду. Сколько турок было убито в войну?

Казак показал на волосы своей головы.

— А сколько москалей?

Казак показал на свою бороду. На голове казак имел много волоса, а в бороде всего навсего несколько редких, загорелых щетинок.

— Ломилев! Видел ты царя?

Казак, перекрестившись три раза, ответил.

— Да. Видел. На Дунае. Был, как какой святой, как мощи киевские.

— А царевича, видел?

— Видел и царевича. Царевич смотрел, как будто имел черную тучу под бровями...

— Почему?

— О... Строгий он был... Страшно было посмотреть ему прямо в глаза.

— Почему?

— Бог знает...

— А Великого князя видел?

— Какого?...

И Ломилев начал сначала смеяться... А потом, как бы о чем-то вспомнив, начал креститься. — Господи! Господи! — шептал он...

— Малыш я был тогда, — начал свой рассказ, немного оживившись, Ломилев, — когда в наш хутор на берегу Волги однажды приехал Великий Князь. Все казаки хутора вышли навстречу Великого Князя. Целовали ему руку. Цепью за ним шли дети, а Великий Князь раздавал им копейки. Получая копейки, дети кланялись и, тоже целуя Великому Князю руку, отходили со смирением в сторону.

Великий Князь зашел в церковь. Поцеловал там Божию Матерь, помировался. А из церкви зашел в одну из хат хутора, где для него был приготовлен богатый стол. Там он много ел и пил. Водку пил. Пил, пока не мог больше пить. Раскраснелся, как рак. Глаза заслезились, как будто он плакал. А сам все время смеялся да щипал девок, что прислуживали ему за столом.

Когда Великий Князь насытился угощением, поднялся из-за стола и приказал ему привести трех его коней, которых он купил для себя по дороге. Привели. Великий Князь не только гладил их по спине, а и целовал на виду у всех казаков. Казаки, молча, смотрели.

— Кто из вас обгонит этих коней? — сказал гордо Великий Князь, обращаясь к казакам. — Будут его.

— Мой конь, Батюшка Князь, — сказал один казак из толпы. — Обгонит их, всех трех.

Великий Князь засмеялся. И долго, долго смеялся. А потом, обращаясь к смелому казаку, резко сказал:

— Садись!

Один миг и исчезнувший казак уже стоял перед Великим Князем на своем буром, на вид худощавом, но крепком в мускулах коне.

По приказанию Великого Князя солдат свиты оседлал одного из трех княжеских коней.

— Знай, — сказал Великий Князь, обращаясь к казаку. — Если обгонишь, будет твой. Но если нет...

— Слушаю, Батюшка Князь! Постараюсь, — ответил казак, сделав низкий поклон В. Князю.

Тогда Великий Князь ударил три раза в ладоши. — Подал сигнал. Казак и солдат тронули...

Летели! Далеко, далеко виднелось одно старое дерево. Туда должны были скакать всадники.

Казак доскакал первый.

Народ, боязливо улыбаясь, опустил глаза в землю.

Когда наездники возвратились, Великий Князь, закачавшись на ногах, заскрежетал с досады зубами. А потом вытащил из кармана револьвер и, направив дуло прямо в лоб коня, надавил на спуск.

Конь, закружившись, упал, как пласт.

— Другого! — закричал Великий Князь.

— Слушаю, Батюшка Князь! Постараюсь, — ответил казак. На другого коня сел другой солдат.

Великий Князь ударил три раза в ладоши.

Поскакали.

Казак доскакал первый.

Великий Князь, выпив стакан холодной воды, потянулся за револьвером.

От страха народ остолбенел...

Второй конь повалился.

— И третьего?... Закричал Великий Князь гневно.

— И... — Ответил казак, едва дыша от усталости. И дал несколько кнутовых ударов разгорячившемуся коню...

Опять поскакали. С третьим конем и третьим солдатом! Облако пыли заслоняет летящих скакунов. Чуть виднеются. Идут... близко... вместе... Еще немного... Кто доскакал первый?...

Один конь повалился возле дерева.

Конь казака!

Казак возвращался пешком.

Кто победил? Неизвестно...

Скакуны предстали пред Великим Князем, очень разгневанным.

— Кто доскакал первый?!

— Ох! Что за голос это был!... Аж холодная жуть пробежала по всему народу.

Казак молчал. У солдата дрожали челюсти, а Великий Князь побагровел...

— Кто? — повторил он страшно и поднял револьвер.

— Он... — сказал солдат, показывая на казака.

Великий Князь направил револьвер в сторону коня.

Возле коня стоял прямо, как свеча, казак...

Раздался выстрел...

Народ от ужаса закрыл глаза.

Повалился казак!...

Окончив, Ломилев перекрестился...

— Батюшка Князь ошибся... — проговорил он сквозь слезы.

— Водка... Промахнулся....

— Знаешь, Ломилев, хорошо, что Великий Князь промахнулся?

— Да, да. Знаю хорошо... Батюшка князь был добрый... Он дал вдове убитого казака пятьсот рублей... Пятьсот рублей!...

Когда возвращались в город, мой друг мне сказал.

— Убежден, что Великий Князь не промахнулся...

В. **Карпушкин** („Терец"). (*Брно*).

ПАМЯТИ ПАВШИХ.

Братья-станичники спите,
Пухом земля будет вам,
Смертью своей возвратите
Вольность казачьим степям.

За край свой родной положили
Вы головы буйны свои,
Верой и правдой служили
Во имя казачьей семьи.

И пусть казаки не забудут,
Как знамя казачье носить,
Ведь ваши могилы нам будут
Вечно примером служить.

Вечная слава героям,
Вечная память бойцам,
Павшим за милую волю.
Пухом земля будет вам!..

Памяти А. И. Кулабухова.

Десять лет тому назад произошло величайшее злодеяние. Опираясь на вооруженную силу, б. главнокомандующий вооруженными силами на „Юге России" генерал Деникин, поправ суверенитет Кубани, путем грубого над нею насилия, над ее Верховным Государственным Органом — Краевою Радою — хотел всецело овладеть кубанским Казачеством и заставить его безоговорочно служить своим целям и задачам, служить которым добровольно кубанцы отказались. Самым острым и драматическим моментом тех событий было убийство члена Рады, б. кубанского министра и члена Парижской делегации А. И. Кулабухова.

Эти дни стали в то же время и началом конца как самого генерала Деникина, так и всего того дела, которое не он, правда, начинал, но так блестяще сумел погубить.

Ноябрьские 1919 года дни на Кубани во многом были и концом борьбы, больше года продолжавшейся между Кубанью и главным командованием Добрармии. Мира между ними уже больше не было.

Правду сказать, хороших, или лучше — нормальных отношений между Кубанью и ген. Деникиным никогда не было. Кубанцы прекрасно помнят, что начало взаимоотношений Кубани и Добрармии было положено еще при генерале Корнилове, причем, состоявшееся в ст. Новодмитриевской соглашение ни в какой мере не

нарушало государственного суверенитета Кубани. „Недоразумения" начались после смерти ген. Корнилова и вскоре же приняли довольно острые формы. Генерал Деникин и его окружение „не могли" и не хотели помириться с тем, что кубанское Казачество может иметь свои задачи и цели борьбы, отличные от задач и целей Добрармии. Кубань для Добрармии, в понимании добровольцев, должна была стать людской и материальной базой и тылом борьбы с советской властью во Всероссийском масштабе. Цели и задачи такой борьбы определили бы сами добровольцы.

Эта борьба продолжалась все время войны, то усиливаясь, то затихая, но никогда не прекращаясь.

На примере взаимоотношений Кубани и Добрармии лучше всего проверить неправильность существовавшего тогда общего, но поверхностного утверждения, что в борьбе годятся всякие союзники. Оказывается, что нет. Оказывается, что недостаточно, чтобы у борющихся были одни и те же противники, чтобы общими целями были только моменты характера так сказать „отрицательного (против кого борьба, — в данном случае общие противники). Для успеха борьбы нужно, чтобы и положительные задачи борьбы — з а ч т о б о р о т ь с я — были тоже одинаковы, или, в крайнем случае, не противоположны или противоречивы особенно относится это к борьбе политической, каковой по существу была большевицкая война. А у нас в действительности было что одни боролись за одно, а другие — за другое, прямо противоположное. Казачество, конечно, использует этот дорогой опыт и подобных „ошибок" не повторит.

Не будем припоминать здесь всего содержания Кубано-Добровольческого спора и всех его перепитий, скажем только, что Кубань вела его мирными „парламентскими" способами, в то время, как другая сторона не отказывалась прибегать и к средствам „сильнодействующим". Таким именно сильнодействующим средством было раньше убийство Председателя Рады Рябовола. „Молчаливое" ответное на этот акт поведение Кубани неправильно было учтено руководителями Добрармии. Они просмотрели, что это молчание было молчанием стиснувшего зубы.

Кулабуховские дни не были только завершением спора Добрармии с Кубанью. Собственно говоря, нет полной еще оценки Добровольческому движению и делу Добрармии. Не сказали еще своего слова по этому поводу казаки. Что касается политической стороны руководительства Добрармии, то здесь уже установилось вполне определенное мнение среди Казачества, но остаются еще под большим вопросом военно-стратегические способности руководителей Добрармии. Ген. Деникин потерпел ведь поражение не только со стороны политической, но и со стороны военной. В свое время казачьи военные специалисты дадут должную оценку военным способностям и Деникина, и Врангеля, и Покровского, и...

Мы думаем, что ген. Деникин осенью 1919 года сам видел, что при принятой им линии политического курса, он терпит крах и на поле брани. И Кулабуховскими днями он не только хотел получить себе легальный, „законный" титул на владение Кубанью, которого он до того не мог получить ни от Кубанской Рады, ни от так наз. Южно-Русской Конференции, — но весьма вероятно, что таким сильно действующим средством он хотел прежде всего отвлечь внимание от истинных причин поражения своего фронта. Проиграв борьбу, он хотел переложить и вину за свои неудачи на плечи других.

Ведь для всякого хотя бы немного беспристрастного наблюдателя событий станет ясным, что предание суду Парижской делегации было простой и к тому же запоздалой придиркой. Не говорим уже о том, что предавать суду Парижскую делегацию — такого права Деникин не имел. Да он и сам это знал. Он применил силу. Ему нужно было за что нибудь зацепиться. За что — все равно. Он и зацепился за Договор Дружбы.

Кулабуховские дни учат нас не только тому, как надо выбирать союзников „внешних". Что Деникин напал на Кубань и совершил злодеяние — о н виноват. Но что кубанцы позволили совершить это злодеяние над собою, что они ограничили свои протесты и на этот раз (как и во дни Рябовола) только словами и не противопоставили действия действию, что они „сдали" в последнюю минуту и не рискнули на противодействие и самозащиту и проиграли тогда, когда могли и выиграть — в этом о н и виноваты. В политической борьбе надо бороться оружием равным. Правда, кубанское Казачество реагировало на ноябрьские события уходом с фронта, но... этим борьбы уже не выиграло.

Самым главным виновником со стороны кубанской, виновником, которой не только не мог защитить чести и достоинства Кубани в те жуткие дни, но, кажется, и не хотел их защищать, хотя по положению своему и должен был это делать, — это б. В. Атаман Филимонов. Его малодушия или предательства Казачество ему не простит никогда. Такие Атаманы Казачеству не нужны. Пусть это будет поучением на будущее всем нам о том, как и кого выбирать в Атаманы.

Заслуживает быть отмеченным и поведение рядового казачества. Как известно, днем 6 (19 по новому ст.) ноября Покровский, требуя у Рады выдачи „изменников", поставил по улицам, в „парадном порядке"... казачьи части. Судили Кулабухова некоторые казачьи офицеры, вешали — тоже. Покровские убивали кубанских народных избранников ... казачьими руками. Большего издевательства над Казачеством придумать трудно. Мы же думаем, что те кубанские казаки, которые стояли в „параде" 6—19 ноября 1919 года по Красной улице в Екатеринодаре, не смеют снять с себя своей доли ответственности, за все тогда совершившееся.

Казачеству нужно знать, что если оно хочет жить своей жизнью, если оно хочет распоряжаться своей судьбой, если оно действительно

желает быть государственно самостоятельным и хочет иметь во главе своего государства своих людей, то оно должно хотеть и уметь этих людей беречь и защищать... А кубанцы в 1919 году не уберегли Рябовола, не защитили Кулабухова... Как на войне противник хочет прежде всего обезглавить своего противника и в первую очередь уничтожает командный состав, так и в борьбе политической первыми жертвами падают вожаки. Казаки умеют прекрасно хранить своих офицеров в бою. Надо учиться хранить и офицеров в политике, — без них Казачество своей политической борьбы не выиграет.

И еще одно полезное поучение можем вынести из кубанских событий 1919 года. Когда в 1917 году Всероссийское Временное Правительство потребовало выдачи Каледина, Дон, отказывая (тогда еще — своему „законному" правительству!), имел за собою поддержку Кубани (да и всего Казачества). Мы имеем много оснований думать, что в 1919 году, ген. Деникин, предпринимая свое гнусное „действо" на Кубани, получил предварительно согласие на то Дона. Донская власть гарантировала ген. Деникину в его „споре" с Кубанью по крайней мере дружественный нейтралитет (по отношению к Деникину). Говорим не столько ради прошлого, сколько ради будущего: такие „добрососедские" отношения между двумя наиболее сильными казачьими республиками не годятся.

Каждое народное освободительное движение имеет своих мучеников (как религиозное — своих святых). Роль их для развития национального самосознания колоссальна. И как бы ни была тяжела жертва, — в данном случае она никогда не пропадает. Так не пропала бесследно и смерть Кулабухова. Убийцы его ошиблись. Мертвый Кулабухов сделал может быть больше, чем сделал бы живой.

Отдавая дань жертвенности покойного А. И. Кулабухова, преклоняясь перед его светлой памятью, Казачество не помянет добрым словом живого еще Деникина. Кулабухова он убил, но духа живого Казачества не убьет: политические идеалы свои Казачество осуществит, если бы на дороге ему стали десятки Деникиных.

Ис. Быкадоров.

„Голутвенные казаки".

(*Исторический очерк*).

(*Окончание*).

Результатом Разиновщины для Вольного Казачества, для республик — Донской, Яицкой и Терской, было потеря ими государственной независимости (1671). Наплыв из пределов Московского государства (прирост населения) был поглощен Разиновщиной, вернее расправой над побежденным казачеством Московского государства. После подавления и в своих пределах бунтовавшегося люда никто из него (т. е. Московии) не мог уже укрыться на Дону. Добившись выдачи с Дона атамана Степана Разина, Московское государство повело энергичную борьбу против права убежища на Дону своих беглецов. Вековый обычай Казачества — „с Дону выдачи нет" был разрушен внешней силой соседа. Московская партия на Дону во главе с войсковым атаманом, становилась все более и более послушным орудием Московской политики.

В 80 год. XVII в., под влиянием религиозных преследований и кровавых расправ в Московском государстве, на Дону (преимущественно в верхних городках — по Хопру и Медведице) начинает появляться нового типа московская эмиграция — религиозная.

Появляются беглые представители духовенства, разные старцы и старицы, основывается нечто в роде скитов в лесах по Медведице.

И, конечно, эту группу беглецов нельзя считать за „голутвенных" казаков, — борцов за свободу и вольность; вся идеология их сводилась к защите друперстия против трехперстия.

Численность этих беглецов была незначительна, но они сумели вызвать к своим убеждениям сочувствие у казаков и, более того, религиозную идею поставили как бы (временно) в основу бытия Казачества.

В действительности развитие старообрядчества (раскола) имело свои казачьи основы, совершенно отличные от московских.

Донская и вообще казачья церковь была по существу автокефальной, совершенно независимой от патриарха „всея Руси" и московского митрополита: ни тот, ни другой никогда не поминались в казачьих церквах. Священники в пределах Казакии, — т. е. в Донском, Терском, Яицком войске, были как из Московии, так и из Украины, но они служили в церквах казачьих городков только с согласия, выбора сих последних и от высшего московского духовенства были совершенно независимыми.

Стремление к введению на Дону московского никонианства было не только новшеством для казачества, но и посягательством на его исконный религиозный быт.

По существу все казачество должно было остаться с московской точки зрения старообрядцами, раскольниками.

Успех его в Казакии об'ясняется тем, что раскол тесно связывался с политическим сопротивлением Казачества Москве, усиливал первое, соединялся с борьбой за казачью свободу и вольность.

Войсковые атаманы (Самарин, Семенов, Фрол Минаев) были послушным орудием Москвы; на приверженности к ней, на опоре на московскую партию и основывались выборы их в атаманы.

„Главное Войско" разошлось со всем казачеством. По прежнему существовали две политические идеологии: за и против Москвы; противомосковская партия в „расколе" находила религиозное подкрепление в своей борьбе, по существу, политического характера.

В трудах по истории Казачества часто фигурирует документ 1680 г., грамота атамана Фрола Минаева верным городкам о запрещении заниматься земледелием. Толкование ей придается такое, что будто бы Главное войско опасаясь, что, занявшись земледелием, верховые казаки отвыкнут от ратного дела. Дело было не в казаках. Московские раскольники, бежавшие на Дон, находили не только сочувствие у казаков, но и защиту у них. Но большему скоплению препятствовало отсутствие средств для существования (вернее продовольствия), а для ратного дела, добывания средств жизни военным добычничеством, беглецы были неспособны, начало появляться земледелие. Лишить права занятия земледелием на территории верхних казачьих городков — было, если не выжить уже скопившихся беглецов, то сделать невозможным приток и оседание новых.

Инициатива этого указа принадлежит Москве. Перед посылкой этой войсковой запретительной грамоты, войсковой атаман Ф. Минаев во главе зимовой стани-

цы ездил в Москву; тогда, повидимому, и было предрешено содержание грамоты в верхние городки. По крайней мере из одной отписки Ф. Минаева видно, что инициатива ее исходила от Москвы. В ней говорится, что указ о запрещении земледелия в верхние городки уже послан.

Под давлением Москвы Главное войско посылает сильный казачий отряд в верхние городки для уничтожения скитов старообрядцев, но сталкивается с сопротивлением не беглецов московских, а верховых казаков. Осада Медведицкого городка оканчивается неудачей для казачьего правительственного войска.

Но дальнейшие военные действия „низа“ против „верха“ приводят к тому, что не только разбегаются московские старцы, но до $1^1/_2$—2 тыс. казаков уходят с семьями с Дона и оседают на р. Аграхани в соседстве с терскими казаками, у которых находят сочувствие и поддержку. Живя в соседстве с черкесами они попадают в вассальную зависимость от Турции. В одной из грамот атаман Аграханского войска пишет, видимо, на упрек о зависимости его от турок, что турецкий султан не преследует христианской религии, хотя он и басурманин, а московский царь хуже басурманина, и обещает „тряхнуть“ казаками, приверженцами Москвы. Аграханские казаки нападают на ряд городков по среднему Дону и разоряют их. Позже аграханские казаки передвинулись на Кубань, составив первое кубанское войско. К ним впоследствии присоединились некрасовцы.

Таким образом и в этот период скопления в Казакии-московской религиозной эмиграции никакого „голутвенного“ казачества не образовалось и образоваться не могло. Разделение казачества, поведшее к гражданской войне в Донском войске и уходу с Дона $1^1/_2$—2 тыс. было вызвано не социально-экономическим разделением его, а политически идеологическим, а главное предательской политикой войскового атамана Фрола Минаева.*)

Московская эмиграция 80 г. XVII в. в смысле увеличения населения Казакии прошла бесследно.

Совершенно иные результаты имела эмиграция в Казакию и, в частности, на Дон с Украины и из Запорожского войска. Эмиграция оттуда и в первой половине XVII в. была главным пополнением Вольного Казачества. Поднепровские черкасы и, конечно, запорожские казаки представляли элемент в идеологическом, психологическом и в бытовом отношении совершенно однородный с донскими казаками и, осевши на Дону, они быстро сливались в одно органическое целое с Донскими казаками.

Эмиграция с Украины и из Запорожского войска во второй половине XVII в. усилилась. Главными причинами усиления было то, что после принятия Украиной государственно-политической унии (1654 г.) с Московским государством, последнее стало вводить там свои порядки и крепостное право; а Запорожское войско в отстаивании своего государственного бытия попало в тяжелые исторические условия. Эмиграция из Запорожского войска и Украины всегда отличалась высоким духом сопротивляемости против московских начал. Но в протесте против Москвы у эмиграции украинской и великорусской было существенное различие. У эмиграции украинской, как и у донского казачества, всегда было наличие своих идеологических, политических, социально-экономических и бытовых основ, и была воля к их защите. У великороссов никаких положительных основ не было, а было лишь социально-экономическое бунтарство без наличия своей иной государственной программы.

Казачество для великороссов становилось иногда программой идеалом, но для осуществления у себя казачьих начал не было у них — ни воли, ни энергии, ни характера, ни бытовых основ, ни способности к организации. Стремление освободиться от московских порядков — неизменно выражалось только бунтарством. Попадавшие отдельные представители великороссов в ряды Вольного казачества совершенно переваривались в кипящем боевой деятельностью казачьем котле.

До половины XVII в. ни одного казачьего городка по С. Донцу не существовало. Территория же бассейна его была во владении Донского войска и посещалась донскими казаками для звериного и рыбного лова и добычи соли близ впадения р. Тора в С. Донец.

Вследствие указанной выше эмиграции с Украины и из Запорожского войска в начале второй половины XVII в. по С. Донцу восстанавливаются городки по нем, существовавшие в XVI в. — Лугань, Митякин, Гундор и образуется новый Каменской.

Вначале же XVIII в. ко времени восстания Булавина (1707 г.) по С. Донцу и его притокам, вследствие этой колонизации (эмиграции) главным образом, и отчасти вследствие передвижения сюда донских казаков с Хопра и других мест, существовало уже 30 казачьих городков и юртов (поселений).

Инициатива Булавинского восстания принадлежала Донцу, но на него быстро отозвался Хопер, а потом и весь Дон. Причиной восстания было внедрение Петра I со своими порядками в казачье государственное дело и посягательство его на казачью территорию. В восстании участвовало все войско, только небольшая часть в Черкасском с частью старшины, была активным противником восстания; силы последних были настолько слабы, что они легко были разбиты Булавиным. В восстании не участвовали и не могли участвовать казачьи полки (главные силы донского казачества) бывшие на западе, участвовавшие в войне России со Швецией.

Главные деятели восстания были „природные“ и видные казаки. Кондратий Булавин — был атаман Бахмутского городка; Игнат Некрасов — атаманом одного из городков на Хопре; Драный (главный военный деятель) в конце XVII в. был походным атаманом во время одного из походов и послом Зимовой станицы. Голый был атаманом и принадлежал к „старшине“. И после Булавинского восстания, правда, меньшая часть городов осталась и существует до ныне: Лугань, Митякин, Гундор, Каменской, Калитва, Белая Калитва, Быстрянский и Кундрючье. *)

Эмиграцию с Украины и Запорожья имеется еще меньше оснований называть „голутвенными“ казаками, равно как и деятелями Булавинского восстания.

С начала XVIII в. (после Булавинского восстания) пополнение Казачества притоком извне совершенно прекратилось, если не считать отдельных лиц. Донское войско увеличивается численно исключительно вследствие естественного прироста своего населения. Бывали случаи принятия православия калмыками и вхождения их в ряды Донского казачества. Прием в казаки зависел от Войска, а не от городка или станицы.

На Дону было довольно всякого рабочего и ремесленного люда, преимущественно, великороссов, задержавшихся на Дону; он носил иазвание — „осемейных“, бурлаков, тум, но в ряды казачества этот люд не принимался.

Из документов XVIII в. видно, что, напр., городок ходатайствует о приеме в казаки сына „осемейного“, прожившего на Дону 25 лет и Войско положительно разрешает вопрос только во внимание к его особым заслугам перед городком.

*) Атаманство Фр. Минаева вообще темное пятно в истории Донского войска; являясь слепым приверженцем и орудием Москвы, он совершенно пренебрегал интересами войска. Он повидимому сыграл большую роль в предательстве Разина. Ф. Минаев и Самарин были сподвижниками Ст. Разина, участвовали с ним в походах. Последним они были посланы на Дон с каким то поручением, при движении его от Астрахани вверх по Волге на Симбирск. После казни Ст. Разина в царской грамоте пишется; чтоб Донское войско прислало людей хорошо знающих ходы на море и указывает имена, кого прислать: Фрола Минаева и Самарина, которые и были посланы туда. Это был первый случай указания, кого именно прислать. По отношениям, какие московское правительство оказывало в Москве Фр. Минаеву при его приездах видно, что исходили они из каких то личных „заслуг“ его Москве.

*) В. Кундрюческая и Екатерининская на Донце образовались путем переселения казаков из других станиц во второй половине XVIII в.

Таким образом и из этого московского (великорусского) люда никаких „голутвенных“ казаков образоваться не могло, и люд этот не был носителем свободы и вольности. Шел он на Дон в XVIII в., как позже и в XIX в., потому, что были заработки и жилось здесь сытнее и свободней.

Только с половины XVIII в. на Дону стала образовываться в социально-экономическом и в бытовом отношении особая группа населения — крестьянство, то, что принято называть „донскими коренными крестьянами“. Они оказались на казачьих землях, вследствие поселения их донскими дворянами на землях, пожалованных русскими царями и царицами за военные заслуги донским офицерам, штаб-офицерам и генералам (за российскую службу) из войсковой казачьей земли.

95% коренных донских крестьян украинского происхождения. Они сыграли большую положительную роль для Дона, если они не были учителями донских казаков в земледелии, то проводниками сельско-хозяйственной культуры, шедшей на Дон с Украины. *)

Таким образом и эта эмиграция, колонизировавшая земли Донского войска, не являлась и не является „голутвенными“ казаками, она может стать просто казаками.

С начала XVIII в., после вхождения Донского войска в состав России, образовалась старшина; а с конца этого же столетия стало образовываться дворянство, которое составило особое сословие в казачестве, особую социально-экономически и в некоторой степени в бытовом отношении группу, но не стала совершенно обособленной от своего народа, не разорвала с ним; в XVII же в. обособленной социально- экономической группы в казачестве вовсе не существовало. Старшина во второй половине XVII в. образовывалась по личным качествам и заслугам перед войском.

Разделение казачества на протяжении всей его истории никогда не проходило по признаку социально-экономическому, а исключительно по политически-идеологическому; таково всегда было разделение казачества на 2 враждебных силы, таково оно было и в 1917-20 г.

Наличие сторонников московских идеологий, тенденция непременного служения Москве или России, являясь с некоторого времени национальной хронической болезнью казачества, нередко уже гразила ему смертью.

Никогда „голутвенных“ казаков в действительности не существовало. Они — результат изображения русскими историками в кривом зеркале исторического прошлого казачества, ровно как и писателями, по политическим тенденциям проводивших в историю идеи, что казаки образовались и пополнялись московским беглым людом, а борьба казачества за свою свободу питалась идеями приносимыми беглецами (вчерашними рабами) из Московского государства, что совершенно не отвечает исторической действительности.

*) Земледелие началось на Дону в самом конце XVII в., а в конце XVIII в. он не только обходится своим хлебом, но и вывозит избыток. Никакого сельскохозяйственного общения в то время Дона с Великороссией не было, а было таковое с Украиной, с первой началось лишь в XIX в. Способ обработки земли при помощи волов позаимствован с Украины, в Великороссии он неизвестен. Большинство предметов сельскохозяйственной культуры и названий позаимствованы тоже с Украины.

П. И. Кокунько.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

IX.

Посылка прошения царю не осталась тайной для Ставрополя, где произвела известное впечатление среди предержащей власти. Не безызвестным осталась она и для Тифлиса, откуда Евдокимов получил предписание произвести строгое расследование по этому делу с принятием всех законных мер по отношению виновных. Результатом этого было предписание Евдокимова к и. д. Наказного Атамана о вызове в Ставрополь Назарова, Камянского, Шарапа и Григория Афанасьевича Калери.

Во время пути в Ставрополь, пишет Шарап в письме к Мове, Назаров был в очень угнетенном состоянии и спутники посмеивались над ним, что он загрустил о своей шленке (Назаров первый начал разводить породу шленских овец в Черномории). Камянский тоже был молчалив и только время от времени ворчал и посылал всевозможные проклятия по адресу начальства и Кухаренко, который по его мнению выдал их начальству, хотя в этом отношении доноса Кухаренко не требовалось, так как вызывались лица, за исключением Калери, выступавшие во время разговора с Евдокимовым в Екатеринодаре и, значит, известные ему без всякого доноса (быть может, записанные тогда же личным ад'ютантом Евдокимова).

Калери попал в число высылаемых вероятно потому, что был артиллерист (группа которых состояла всего из трех человек при разговоре с Евдокимовым) и, кроме Камянского, только от нее и слышались возражения; остальная публика не принимала участия, ограничиваясь выражением своего сочувствия знаками или одобрительным ворчанием.

По приезде в Ставрополь высланные были водворены на военной гауптвахте с подчинением режиму, господствовавшему в ней, с представлением права довольствия на свои средства. На другой день по приезде узников, их навестил депутат Черноморского Войска в земельной комиссии П. Г. Короленко и сообщил, что, вероятно, предварительный допрос их сделает лично сам Евдокимов. Действительно, на третий день их известили, чтобы на следующий день они явились в канцелярию командующего войсками, которая помещалась в здании, занимаемом его квартирою. (В этом здании впоследствии помещалось Ставропольское Казачье военное училище). В назначенное время все четыре узника, в парадной форме, отправились в канцелярию Евдокимова без конвоя. Свое посещение Евдокимова Шарап так описывает: „Со двора, куда выходил главный под'езд, мы вошли в вестибюль, который соединялся с приемным залом аркой. Зал большой и отделял квартиру Евдокимова от его канцелярии. Направо дверь в квартиру, а налево в канцелярию. Дежурный офицер, встретивший нас, попросил обождать в вестибюле, а сам отправился доложить Евдокимову, который был уже в канцелярии, в своем кабинете. Возвратившись через несколько минут, дежурный предложил Назарову войти в кабинет, а остальных подождать очереди в зале“.

Не больше получаса пробыл Назаров в кабинете Евдокимова и вышел оттуда крайне смущенным и взволнованным, в каком-то подавленном состоянии духа. Сказав Камянскому, что его ждет Евдокимов, Назаров, не говоря ни слова, отправился на гауптвахту обратно. Камянский быстро направился к двери, рванул ее на себя и вошел в кабинет. Через несколько минут оттуда донеслись звуки, как будто крупного разговора. „Мы, пишет Шарап, подскочили к дверям, но ничего разобрать было нельзя. Слышны были только голоса крупного разговора, из которых можно было заключить, что там, вероятно, не благополучно и что Никифор Кириллович, по своему обыкновению, вероятно вспылил. Затем произошел какой-то шум и стук стула, а затем хлопнула какая-то дверь, а вслед за этим в зал выскочил Камянский, хлопнул дверью, весь красный, взволнованный и, бормоча какие-то ругательства, сильно жестикулируя руками, начал быстро ходить по залу.

Вскорости из кабинета вошел в зал офицер и об'-

явил нам, чтобы мы уходили обратно на гауптвахту, так как командующий войсками сегодня прекращает допрос, „вследствие зубной боли".

Что произошло в кабинете Евдокимова? Правды об этом никто не скажет. Евдокимов об этом молчал. Молчал и Камянский, который после этого инцидента был вообще молчалив и задумчив, говорил только о посторонних предметах, но если кто касался его допроса Евдокимовым, бросал строгий взгляд на говорящего и моментально умолкал.

Прошло более десяти лет, когда я обратился к Никифору Кирилловичу с вопросом:

— Скажите, пожалуйста, что у вас с Евдокимовым произошло во время допроса?

Он осадил меня довольно нетерпеливым ответом:

— Не твого ума, хлопче, це діло. Плюнь на його! Що було?... Нічого не було; чорт знає, що брешуть. Робить нічого от і чешуть язики.

А „брехали" действительно много. Целая легенда сплелась около этого инцидента. Говорили, например, что Евдокимов, прервав допрос Камянского, быстро выскочил в двери, ведущие в комнату, где занимались чины канцелярии, держась за щеку, крикнул одному из офицеров:

— Уберите от меня этого сумасшедшего человека, я больше никого не буду допрашивать. Пускай отправляются на гауптвахту, у меня невыносимо зуб болит.

Но что же произошло на самом деле между Камянским и Евдокимовым, что заставило прервать допрос, так как в письме своем Шарап ничего не пишет ни о его допросе, ни о допросе Калери. Надо полагать, что они оба совсем не были допрошены. Наверно Евдокимов получил от Камянского настолько категорические показания, что допрос остальных двух обер-офицеров нашел излишним. Несомненно одно, что между Камянским и Евдокимовым произошло что-то и это „что-то" было настолько важное, что оба они опасались его разглашения и оба молчали.

Факт перерыва допроса и отказ от продолжения его Евдокимовым породил много толков среди публики, всегда падкой на сенсации и около этого случая начали сплетаться всевозможные слухи, основанные больше на догадках, чем на действительности, но все эти разговоры сосредоточивались на одном предположении, что во время допроса Камянского было нанесено оскорбление, заставившее выйти из равновесия обе стороны.

Имея в виду характер Камянского, нужно предполагать, что он не остался в долгу и со своей стороны не воздержался от ответа на оскорбление оскорблением же. Вопрос заключался в том, как далеко зашло их столкновение между собою. Одни утверждают, что оно дальше слов не пошло, другие говорят, что оно готово было перейти и в действие, если бы не ушел Евдокимов, но есть и такие, которые предполагают нанесение оскорбления Евдокимову даже действием со стороны Камянского. В конце концов одержало верх последнее предположение, по следующим соображениям: Евдокимов не пользовался особенной любовью в армии по причине строптивого и заносчивого характера. Выслужившийся из нижних чинов, он не отличался особенной выдержкой и часто был груб в обращении с подчиненными; как говорят, не отличался и особенной честностью, но был безмерно честолюбив и больше всего дорожил своей карьерой. Если бы он получил оскорбление от Камянского только на словах, то не задумался бы предать его суду за оскорбление начальства, так как в этом случае он ничем не рисковал. Между тем он молчал и, передав дело для расследования в армейский аудиториат, он не прибавил к нему обвинения в оскорблении начальства, за которое полагалось довольно суровое наказание, так как время было военное. Отсюда получался тот вывод, что, значит, оскорбление нанесено было такое, что разбор его повел бы к нежелательным для самого Евдокимова последствиям. Скрыть или отказаться от получения оскорбления действием Евдокимову трудно было, так как шум и стук в его кабинете был слышен, как в приемной зале, где находились посетители, так и в соседней с кабинетом комнате, где сидели чины, служащие в канцелярии, и куда поспешно выскочил Евдокимов, держась рукой за левую щеку под предлогом зубной боли.

Камянский, конечно, не отказался бы от своего поступка, если бы начато было дело и все эти обстоятельства только подтверждали бы его слова. Жестокое наказание, грозившее Камянскому, не заставило бы его молчать, и Евдокимову пришлось бы, волей неволей, распрощаться со своей карьерой, что было не в его рассчетах, особенно в конце Кавказской войны, когда можно было ожидать великих и богатых милостей. Весьма понятно, что он воздержался от обвинения Камянского и предпочел молча перенести все. Что касается Камянского, то молчание его также понятно из чувства самосохранения и тем более, что человек этот не любил хвастать и бахвалиться своими поступками, которых он и сам иногда не оправдывал.

Вот, в силу этих соображений, об инциденте в кабинете Евдокимова и сложилась в окончательном виде такая версия: Войдя в кабинет Евдокимова, Камянский остановился у дверей, ожидая приказаний его. До письменного стола, за которым сидел Евдокимов, было не менее 15 шагов. Вследствие этого, разговаривать пришлось достаточно громко, но Евдокимов не просил Камянского подойти ближе и сейчас же начал задавать вопросы громким голосом в довольно грубой форме. Камянский, находившийся в несколько возбужденном состоянии, по весьма понятной причине, давал нетерпеливые ответы на своем родном языке, так как он всегда на нем говорил с кем бы то ни было. Поневоле ему приходилось говорить громко. Это волновало Евдокимова, который мало по малу начал терять терпение и, наконец, прямо крикнул Камянскому:

— Бросьте этот собачий язык и отвечайте мне по человечески, не забывайте, что вы стоите перед командующим армией!

— Не забувайте й ви — крикнул ему Камянский — що перед вами стоїть не салдат, а штаб-офіцер; не кричіть на його, як на салдата!

— Какой вы штаб-офицер, крикнул Евдокимов, вы государственный преступник!

Камянский после этих слов потерял самообладание и решительным шагом двинулся к столу Евдокимова, захватив по дороге стул, может быть для того, чтобы поставить его около стола, против Евдокимова. На ходу он прокричал:

— Як ви смієте до суда називати мене государственним преступником? Як що я государственний преступник, то ви палочний граф!

Евдокимов, видя перед собою страшно взбешенного человека с искаженным лицом и со стулом в руках, смело и решительно наступающего на него, сорвался с кресла, на котором сидел до этого, и выбежал из кабинета в дверь, которая находилась за ним.

По другой версии, Камянский действительно бросился на Евдокимова, впопыхах задел стул, стоявший у стола против Евдокимова, и нанес оскорбление действием, т. е. просто дал ему пощечину, получив которую, Евдокимов выскочил из кабинета.

Какой из этих версий придать больше вероятия? — судить не берусь. Быть может и обе оне не заслуживают доверия, но привести их в настоящем очерке считаю не бесполезным, чтобы дать понятие о характере главного вожака движения Черноморцев, каким он представлялся заурядному казаку, и чтобы показать ту степень идеализации своего героя, которая выразилась в песне, сложеной в то время, словами:

„Трудно було Кам'янському за правду стояти,
Ще й хотіли Кам'янського із світу зігнати"...

Наводят на сомнение в правдивости и те подробности разговора, которые приведены выше между Евдокимовым и Камянским, так как в кабинете было только их двое, хотя кличка „палочный граф" за Евдокимовым в армии утвердилась действительно. Возможно, что чины, служившие в канцелярии и сидевшие в комнате, смежной с кабинетом, могли слышать отдельные фразы, выкрикиваемые Евдокимовым и Камянским. Комната эта отделялась от кабинета тонкой стенкой, имеющей, к тому же, двери.

Дальнейшее расследование дела носило уже обыкновенный для тогдашнего времени порядок. Всем че-

тырем узникам были присланы опросные пункты, на которые они должны были дать письменные ответы. Копии тех пунктов (правда, не всех лиц) были у меня на руках. Показания Шарапа приложены к его письму к Мове, от Г. А. Калери я получил лично, но привести их здесь на память не решаюсь, так как самые копии остались у меня дома. На просьбу мою в 1879 г. Камянскому, он ответил:

— Як що найду, пришлю. Да, вероятно, забыл или не нашел, потому что я не получил ее до его смерти, а после 1879 г. мне уже не пришлось встретиться с ним.

Ранней весной распространилась весть, что Александр II лето проведет в Крыму и, вероятно, приедет в Екатеринодар. Почти вслед за этим слухом были освобождены и наши Ставропольские узники с приказанием возвратиться к исполнению своих служебных обязанностей, которые лежали на них до ареста. Следствием чего было такое милостивое распоряжение? — неизвестно. Была ли это боязнь перед царем за излишнее усердие, или же было получено от него распоряжение, вследствие прошения, поданного Магеровским? — сказать трудно.

Как бы то ни было, а узники весной уже не были узниками, а продолжали свою службу. Летом Александр II приехал в Екатеринодар с малой свитой, среди которой находился и военный министр Милютин. Во время пути в Екатеринодар Шарап вспоминает о маленьком, но довольно забавном инциденте: при переправе через Протоку, на берегу около парома собралась небольшая толпа жителей; молодая, шустрая казачка протолкалась вперед и стала у самого парома. На паром прошла часть свиты, а с остальной государь взошел потом и паром начал готовиться к отчаливанию.

— О! — громко воскликнула казачка. А казали, що царь буде їхати, а його й нема.

— Як нема? обозвался ее сосед.

— А де ж він?

— Та отож стоїть, хіба не бачиш?

— Ото? Та то ж москаль! Не поверила казачка.

— Та він же царь і є.

— Так чого ж він у московській одежі?

Диалог этот был настолько громкий, что его многие слышали; слышал, улыбаясь, и Александр II. Женщину хотели оттеснить, но царь дал знак, чтобы ее не трогали. Так она и осталась с сомнением, что царь не был и паром отчалил только с москалями.

В Екатеринодаре квартира для царя была приготовлена в доме генерала Бабича, по Крепостной улице, а по соседству с ним, во флигеле особняка Вареника была приготовлена квартира для Милютина.

Две ночи провели гости в Екатеринодаре. На следующий день по приезде вызваны были к Милютину некоторые чиновные люди, между прочим Назаров и Камянский, с которыми он беседовал об обстоятельствах дела переселения. На третий день государь выехал из Екатеринодара.

Это посещение царем Земли Черноморского Войска служит поворотным пунктом в той политике, которую вело Кавказское начальство по отношению переселения Черноморцев в Закубанский край. Прежде всего было предано забвению все то, что натворило до сего времени Кавказское начальство; затем отменено было массовое переселение станиц и принято первоначальное предложение Кухаренко о переселении охотников, хотя введена была и новость: переселение по приговорам обществ. Я не знаю насколько станичные общества воспользовались этим нововведением. Территория Закубанского края все таки не была присоединена формально к казачьей территории. Присоединение это совершилось грамотой Александра III уже к Кубанскому Войску. Но главный результат всего этого движения заключался в том, что земля Черноморского Войска была признана неприкосновенной и принадлежащей только Черноморскому Войску, и никакая часть ее не могла перейти в руки иных лиц; даже наградные участки черноморским чинам, которым таковые полагались, предложено было вырезать за Кубанью и только впоследствии, благодаря происках некоторых лиц, среди которых не последнюю роль играл депутат Черноморского Войска в земельной комиссии Короленко, генералам черноморцам отведены были наградные участки на территории Черноморского Войска, но с условием, что они не должны переходить в руки лиц, не принадлежащих к казакам Черноморского Войска.

Старый суд в Войске твердо держался этого правила и когда генерал Бабич, получивший наградной участок около станицы Ахтанизовской, хотел, кажется, продать его немцам, суд не утвердил купчей крепости и он арендовал его тем же немцам на 99 лет. Впоследствии, при новых судах, это правило игнорировалось не только по отношению наградных участков, но и надельных взамен пенсии чиновников.

Что касается пострадавших в этом движении, то они, кажется, больше выиграли за свой риск, чем потеряли. Так, Назаров был произведен в полковники и назначен командиром казачьей артиллерийской бригады; Камянский также в том же году был произведен в подполковники, а через три четыре года в полковники и вышел в отставку; Кухаренко утвержден Атаманом уже нового Кубанского Войска. Это был первый Атаман Кубанского Войска.

(*Продолжение следует*).

P. S. В очерке VI (№ 45, стр. 8) напечатано: ...а есть Новокубанское, которое спасать не приходилось...“ Следует читать: „а есть новое Кубанское, которое... и т. д.

А. А. Гейман.

Героическая девушка.

Недоброй памяти 18 год. Август. Уступая настоятельным просьбам скоро прозревших казаков нагорных станиц Майкопского отдела (задержанный болезнью, а затем уже и большевиками и оставшийся один из начальствующих лиц во всем Майкопском отделе) генерал Г. бежал сначала в ст. Даховскую, а потом в леса станицы Дагестанской, где и начал формировать отряд казаков, чтобы сбросить ненавистный большевицкий „хомут“, как говорили казаки.

Момент был схвачен удачно. Со всех казачьих хуторов и станиц отдела, на Шевирев хутор, где основал свой штаб генерал, стали стекаться казаки, преимущественно молодежь и старики. Фронтовики, умудренные опытом и учитывающие шансы, еще колебались. Дело в том, что по правому берегу р. Белой степные станицы, начиная от г. Майкопа, были наводнены большевицкими войсками. Насчитывалось их в самом Майкопе и до станицы Гиагинской до 25 тысяч, хорошо вооруженных и снабженных. Отдел был совершенно отрезан от Екатеринодара и Армавира.

Отряду предстояло вести дело на свой страх и риск. Незадолго перед тем большевики об'явили мобилизацию молодых возрастов казаков и потребовали их со всем оружием в Майкоп. Казаки предпочли уйти в г. Туапсе и унесли все имевшееся у них на руках оружие. Иногородние в станицах, наоборот, получили от большевиков оружие и держали его на руках у себя, в станицах.

Генералу удалось добыть у начальника грузинского отряда в г. Туапсе, генерала Манзина, 150 винтовок, 50 тысяч патронов и два пулемета. Чтобы добыть оружие на весь отряд, генерал Г. каждую ночь окружал одну какую нибудь станицу, утром по набату созывал население на площадь и приказывал немедленно снести все оружие и патроны, имевшиеся у иногородних, грозя, в случае неисполнения этого приказа, сжечь всю ста-

ницу до тла. Дело обходилось без пожара и крови, а оружие выдавалось. Особенно много дали два селения иногородних, Измай и Камышки, находившиеся в тылу отряда, как раз на перевале и на пути в Черноморскую губернию и Абхазию.

Отряд быстро наростал и вооружался, но офицеров в нем совсем не было. Был вначале один, сотник Фендриков, но вскоре на разведке, вследствие своей же неосторожности, был убит на пути между ст. Дагестанской и Курджинской большевиками, ехавшими на линейке и которых он стал обыскивать. Впоследствии прибыл еще есаул Кротов, пробравшийся с 50 конными казаками ст. Келермесской, перейдя тройной кордон большевиков.

Так обстояло дело, когда однажды к вечеру, в сильный дождь, шедший уже два дня, на сторожевых секретах была задержана барышня, ехавшая верхом по непроходимым дебрям лесным и по козьим тропам.

Она заявила, что ищет генерала Г. Когда привели ее, уже спешенную, к генералу, она заявила ему, что имеет сообщить ему нечто необычайно секретное и важное. Наедине она сказала, что она дочь генерала Г-ва, давно уже поселившегося близ станицы Н. построившего там лесопильный и древообделочный завод и недавно умершего. Вдова же его с двумя взрослыми дочерьми, еще проживала на заводе. Девушки получили блестящее образование, прекрасно владели иностранными языками, бывали подолгу заграницей. Звали их Мария и Елена и что казаки окрестных станиц их хорошо знают, а она сама (Елена) не раз бывала на Шевиревом хуторе, почему она и рискнула одна туда ехать.

Риск, действительно, был большой. Дорогу на хутор знали только нижегородцы да дегестанцы, а если бы большевики узнали, что она ездила к генералу на хутор, то ни ей, ни семье не сдобровать бы. Когда позванные казаки узнали Елену Александровну и сердечно с ней поздоровались и тем уничтожили всякое сомнение в личности и намерениях ее, она заявила далее, что накануне из Майкопской тюрьмы выпущены десять офицеров, коим обещано помилование, но с тем, что они сами пройдут в отряд генерала Г., заявят, что сочувствуя его делу, они решили поступить к нему на службу, но что при первом случае должны убить генерала и тем разрушить начатое им восстание и обезглавить отряд, который сам тогда разбредется. Она случайно узнала об этом и решила предупредить генерала.

Не прошло и двух часов, как доложили что на постах действительно задержаны десять офицеров из Майкопа, дезертировавших якобы к восставшим. Вскоре их привели. Все они были не казаки и только один, сотник Долженко (ст. Некрасовской), был казак.

Этот Долженко заведывал в Майкопе тюрьмой, отличался необыкновенной жестокостью и зверски обращался с казаками, избивал их когда они попадали в тюрьму. Все это хорошо было известно и генералу, и казакам.

Когда задержанных привели, генерал заявил им спокойно и уверенно, что он отлично знает все, что делают и что говорят в Майкопе большевицкие главари, знает и о цели их посылки в отряд и ждал их, а потому пусть они сейчас же идут обратно и там доложат своим палачам о том, что говорил генерал. С трусами и предателями генерал не воюет, а казнить и мстить им считает для себя и возглавляемого им дела унизительным.

Казаки, во множестве окружавшие всю эту сцену, сначала замерли, а потом вдруг:

— А Долженко как же? Заревели все, а убийство Фендрикова, а издевательства Долженки над казаками? Нет! Отдайте его нам. Мы знаем, что с ним делать!..

— Молчать! крикнул генерал. И когда снова все замерло продолжал:

— Я сам знаю, что делать и уже не раз говорил, что никому вмешиваться в свои распоряжения не позволю. Выберите пять достойных стариков в полевой суд и что он решит то и будет. Марш по местам! Носы сначала научитесь вытирать, а потом уже меня учить будете, — сказал генерал улыбаясь.

Суд приговорил сотника Долженко к расстрелу, что и было выполнено. Казаки были удовлетворены.

Самоотверженная, храбрая девушка эта сейчас в эмиграции. Она уже после пробралась одна в Сербию, вышла здесь замуж за вольноопределяющегося Х-на, ст. В., и проживает теперь или здесь, или во Франции. Подвиг ее стоит того, чтобы быть отмеченным...

Сергей Макеев. *(Франция)*.

Памяти А. И. Кулабухова.

... Тучи свинцовые с севера плыли,
Ветры холодные жалобно выли...
Снежная вата на землю спускалась,
Птица от стужи в тепло забивалась...
Дальние горы в тумане чернели...
Мутные волны Кубани шумели...
Вороны черные с криком носились...
Инеем белым луга серебрились.
Мерзлый камыш под ветром скрипел,
Лист пожелтевший дорогой летел...
Голые ветви клонились в воду, —
Поздняя осень сковала природу.
Вышки в степях сиротливо стояли,
Степь и курганы лишь думу гадали...
В саван холодный оделись станицы...
Шумно бурлили майданы столицы...
. . . . . .
Что взволновало Кубани столицу?
Что за тревожную весть-небылицу
В тяжкое время войны и невзгод
Черные люди пустили в народ?
Что покоробило души казачьи?
Фронт ли в боях наш несет неудачи?
Вести-ль Антанты — все тот же отказ?
Козни ли строит в тылу нам Кавказ?
— Армия доблестно путь продолжала, —
Красных врагов уж на Север прогнала, —
Тыл наш спокоен и верен Кавказ,
Долг свой исполнит и каждый из нас...
— Вольность казачью в крови утопили,
Сердце Кубани „друзья“ оскорбили;
Черную думу задумал Ростов, —
Нож в спину бросил Кубани барон...
. . . . . .
Боярин Деникин, — вельможа московский,
Да новый Малюта Скуратов — Покровский —
Узнав о таком казаков „своевольстве“
(Ну как не вскипеть москалю в недовольстве),
Что договор дружбы с соседом скрепили,
Границы республик что вновь начертили,
Что вольным народом им хочется жить
И белой Москве не желают служить...
— „Ведь это измена святому нам делу!
Казацким желаньям уж нету пределу!
Уж нужно покончить с осиным гнездом —
И всех заклеймить их боярским перстом!“
„Немедленно с фронта бригаду отправить!
Начальника тыла над войском поставить
И Раду Кубанскую вмиг разогнать,
А тех самостийников — суду всех предать!“
. . . . . .
Голос „вождя“ становился смелей,
Свита сатрапа ставала наглей,
Всюду Освага неслися приказы —
Что кому делать, — давались указы.
С волчьей дружиною, буйной и пьяной,
Тыла начальник, сам полупьяный,
В Зимний Театр, как бандит, ворвался

Вестником мрачным начала конца.
— „Где тут изменники? Дать их скорей!
Шкуру спущу я со всех бунтарей!
Против кого восставать захотели?
Иль позабыли, как деды висели?..
. . . . . .
Кулабуху сразу же в цепь заковали,
Из обер-опричников судей набрали...
Под пьяную пляску и песен разгулы
Трибуна Кубани судили иуды...
И кончился суд... Приговор прочитали...
На утро позорную казнь назначали...
Над гласом народным казачьего Края
Зло издевалася воронов стая...
Верховный боярин писал из дворца:
„Россия Великая жаждет конца!
Я в смерти изменников вижу спасенье, —
Немедленно казнь привести в исполненье!“
. . . . . .
И утром седьмого, при свете зарницы,
На площадь пустынную спящей столицы
Кулабухов прибыл в кругу палачей, —
Спокойный, но бледный с бессонных ночей.

Все в той же черкеске, с печальной главой,
Он шел на Голгофу, страдая душей
За Родину, кровью людской обагренную,
За Вольность, врагом посрамленную...
И сердцем болел за семью он родную,
За хату в станице, за волю степную...
Без стонов страдала натура казачья,
Чтоб не смеялася свора собачья.
. . . . . .
. . . . . .
Проснувшимся городом страх овладел:
Народный избранник высоко висел...
. . . . . .
А тучи свинцовые плыли и плыли...
А ветры степные стонали и выли...
Еще сиротливее вышки стояли...
Курганы попрежнему думу гадали...
Печалью и горем оделись станицы...
На фронте все ближе стреляли рушницы, —
То сотни лихие на юг уходили,
Проклятье боярам с собой уносили...
. . . . . .

Ис. Быкадоров.

Язык цифр.

Год с лишним тому назад на страницах этого-же журнала (№№ 13 и 14) мы разбирали вопрос о качестве русских (великороссов), как боевого материала; для нас имело и имеет значение не определение их абсолютного значения, а сравнение с такими же качествами других народов б. России. Выяснение это важно и практически, гл. обр. для того, чтобы определить — могут ли эти народы осуществить свое государственное бытие и противостоять против возможной вооруженной экспансии русского (великорусского) народа (выражающейся теперь в формуле — „Россия этого не позволит“).

На основании своих наблюдений за время Мировой войны и революционные войны 1918—20 г., наблюдений вполне достаточных для надлежащих выводов, мы установили, что так наз. непобедимость русских (великороссов и представления о каких-то исключительных боевых качествах их не подтверждаются в действительности. Русские всегда побеждали числом, а не качеством; побеждали тогда, когда воевала постоянная армия, а не вооруженный народ, т. е. тогда, когда сырой материал был сначала совершенно переработан в армии воспитанием и учёбой.

Наши выводы многим казались „дикими“, необоснованными и даже оскорбительными.

Цифровые данные теперь имеются и мы им можем подкрепить свои взгляды.

В „Возрождении“ *), в статье — „Убитые и раненые в Великую войну“ А. Эфеса (видимо псевдоним), являющейся характеристикой боевой стойкости русской армии в цифрах приведены цифры из труда русского военного ученого проф. Н. Н. Головина, пользующегося заслуженной широкой известностью. (Монография его: „О военных усилиях России в Великую войну“ составлена для Института Карнеджи в Америке; заголовок вполне выясняет цель труда. Книга эта еще не издана и мы пользуемся ценными данными, которые извлечены из нее автором статьи в „Возрождении“).

Вот данные о потерях русских армий на Западном (европейском) фронте.

„За первые 9 мес. войны (до 1 мая 1915 г.) общее число наших пленных доходит до 764.000 (по 85.000 в среднем в месяц). В этот же период потери убитыми и ранеными — „кровавые потери“ — составляют в среднем в месяц 210.000 человек“.

„Следующий затем летний период (май — ноябрь 1915 г.) характеризуется такими цифрами: 976.000 плен. (160—200 тыс. в мес.) и 1.410.000 (по 235.000 в месяц) „кровавых потерь“

*) Возрождение. 10-Х сего года, №. 1622.

Затем приведены цифровые данные по разным периодам, но для нас в данном случае достаточно и уже приведенных.

Резко изменяется соотношение числа потерь в революционный период 1917 г. (май — ноябрь): „при кровавых потерях за весь этот период в 170.000 ч., пленных — 213.000. Главная причина этого — развал армии.

Громадный пробел цитируемого труда в том, что потери не показаны по национальностям.

Вот выводы автора статьи в „Возрождении“: „это сопоставление цифр „кровавых потерь“ с числом пленных наглядно вырисовывает так называемое, „кровавое напряжение“ каждого боевого периода и оно характеризует и стойкость войск. Сравнивая в цифрах первый и последний годы войны, легко увидеть, в какой ужасающей степени в эпоху революции понизились стойкость, а следовательно, боеспособность нашей армии“.

Бесспорно, что жертвы русской армии в Мировую войну были велики, но нас интересует сейчас иное.

Исключительно большое число русских пленных в сравнении (относительном) со всеми другими армиями, участвовавшими в войне, указывает слабую боеспособность русских войск, которая зависела от многих причин, но слабые качества самого материала (русских) являлись главными.

В настоящее время нечего уже скрывать, что большая часть русских сдавалась в плен в условиях, когда они могли и не сдаваться, — боевая обстановка не всегда принуждала к тому.

Большое количество „кровавых потерь“ об'ясняется действительно принесением иногда в жертву людского материала для достижения победы, в частности для проведения операций, не подготовленных и не обеспеченных средствами, для выручки армий союзников на разных фронтах.

Большое число „кровавых потерь“ указывает и на превосходство средств поражения огневого действия противника (артиллерии, пулеметов) т. к. 80% „кровавых потерь“ падают на него.

Напряжение армии характеризуется кровавыми потерями. Но количество пленных может свидетельствовать о другом.

Громадное число пленных зависело, главным образом, от слабых качеств главного по численности людского материала — великоруссов.

Далее А. Эфес приводит цифровые данные особо интересные для нас и говорит:

„Работа ген. Головина дает ряд настолько показательных и доказательных цифр, что спорам остается

мало места. Вот часть этих цифр, почерпнутая из многочисленных таблиц, составленных ген. Головиным:

На 100 убитых и раненых и пленных приходится:

	кров. потерь:	пленных:
В казачьих частях	94	6
в гвардии	91	9
в стрелковых частях	82	18
в кавалерии	79	21
в гренадерских частях	78	22
в пехоте	65	35

А. Эфес дает к этим цифрам свое пояснение: „Разумеется, условия боевой службы казачьих частей и пехоты далеко не одинаковы и тут есть место для некоторых поправок к голым цифрам". Но в таблице сравниваются цифры казачьих частей и регулярной кавалерии, гвардейской и армейской пехоты и т. д. и тут гораздо яснее выступают боевые качества и стойкость разных частей войск, в зависимости от их комплектования, воспитания и т. д.

Да, поправки, или вернее пояснения к цифрам должны быть и весьма существенные. Мы не будем защищать положения, что казачьи части были в более тяжелых условиях в отношении несения кровавых потерь, но были, несомненно в худших условиях, что касается попадения в плен. Казаки занимали громадные, растянутые участки позиций; по роду службы, как конница, выполняли боевые задачи, вызывавшие широко расчлененные боевые действия и даже изолированные (разведка, охранение), когда создавалась обстановка казалось бы неизбежного плена. Казачьи части небольшого состава (до сотен) попадали в плен в связи с общей катастрофой операции, вместе с пехотой (Самсон. армия). Большинство казаков вне этого попадало в плен только тяжело ранеными. Случай добровольной сдачи, даже на целую казачью дивизию, были единичными. Разницу в числе пленных у казаков и кавалерии (отборной части русской армии по комплектованию, обучению и воспитанию) в 15 чел. на 100 можно отнести к добровольной сдаче.

На Зап. фронте действовала и казачья пехота, переброшенная с Кавказского фронта, — Кубанские пластунские части, — и приведенные выше цифры можно рассматривать не только с точки зрения оценки боевой стойкости известного рода войск, но скорее со стороны боевых качеств разных народов — казачьего и иных.

Причины разной боеспособности зависели и всегда будут зависеть от качеств, прежде всего, самого народа.

В дальнейшем у автора статьи в „Возрождении" приведены исключительно ценные для нас данные. Приводим выписку:

„В этой же своей работе ген. Головин дает замечательную карту Европейской России с обозначением русской армии убитыми, ранеными и взятыми в плен по районам комплектования. При взгляде на эту карту видно, как одноцветная полоса пересекает территорию России по линии губерний — Черниговской, Калужской, Нижегородской и Вятской — это полоса нормальных соотношений кровавых потерь и пленных (60 и 40% приблизительно). На юго-восток от этой линии краска темнеет, что означает, что стойкость контингентов увеличивается, малороссы и особенно казаки дают наименьший процент пленных".

„Как общее правило — поясняет Головин, — южная половина России дерется лучше северной". Пр. Головин считает, что основной причиной здесь является бытовой „элемент". Мы смотрим на вопрос шире: решающую роль играли факторы национальные, в первую очередь качества самого народа.

По вычислениям ген. Головина лучше всех дрались русские (?); из них на первом месте — казаки и „малороссы", затем великороссы, а на последнем белороссы. Из великорусских губерний особенно плохой боевой стойкостью отличалась Московская губерния (фабр. район).

Вот пояснение автора статьи в „Возрождении":

„В некоторой степени, это может быть об'яснено, конечно, тем, что северяне укомплектовывали, главным образом, части, дравшиеся против немцев". Немцы, — конечно, противник гораздо более солидный, но все же это не может дать исчерпывающего об'яснения: ведь польские контингенты, например, комплектовали войска обоих фронтов, а цифры для Польши самые неблагоприятные".

Действительно сибирские корпуса дерутся одинаково блестяще и против австро-венгров и против немцев до времени пополнения их великороссами из пределов Евр. России. 3 Кавказский корпус, укомплектованный украинцами из пределов Казакии, дерется блестяще против всех противников — турок, австро-венгров и немцев.

Является еще большим вопросом: был ли бы достигнут разгром австро-венгерцов, если бы против них дрались части русской армии, укомплектованные из населения северной части бывшей России, т. е. великороссами? И обратно, не были ли бы значительно успешнее боевые действия частей русской армии, дравшихся против немцев, если бы они комплектовались украинцами?

Вне всякого сомнения, боевая способность польских контингентов в Мировую войну была слаба, и иначе быть не могло, но цифровые материалы за эту войну ни в коем случае не могут дать действительных данных о боевых качествах поляков, о боевой их стойкости.

Польский народ находился в пределах трех государств, воевавших между собой. Познанские и поляки из Австро-Венгрии дрались несравненно лучше чем поляки из России. Здесь дело было не в боевых качествах, а в политическом моменте.

Кроме того полякам часто приходилось биться против поляков же, малая боеспособность польских контингентов в Русской армии об'ясняется и отсутствием стимулов для борьбы: национальное чувство польское не могло желать победы России.

Такими причинами об'ясняется, напр., сдача чехов русским в Мировую войну, а конечно, не отсутствием у них боевых качеств.

Политическими, напр., причинами об'ясняется переход нескольких казачьих полков, насильно посланных большевиками на польский фронт в Русско-Польскую войну 1920 г. на сторону поляков, а не отсутствие боевых качеств у казаков, не потерей боеспособности, а как раз желанием драться против большевицкой России.

Различные боевые качества разных народов бывш. России Мировую войну при общих основах для всех в русской армии зависели от национальных качеств этих народов.

Эти данные недавней войны (как и других) по учете возможных изменений этих качеств в условиях теперешнего существования их в составе СССР, дают возможность некоторого прогноза для будущего, на чем мы в свое время остановимся особо.

Из цифровых данных труда пр. Головина, даже в извлечении А. Эфеса, при правильном толковании неизбежен вывод, что боевая энергия, проявленная в Мировой войне различными народами бывш. Русского государства, была неодинакова; наибольшая была проявлена казачеством и украинцами. Если же мы примем во внимание, что казачьи части в последний период существования русского фронта служили остовом и продолжили существование этого фронта Мировой войны, то неизбежен вывод — что казачество относительно (пропорционально населению) внесло наибольшую лепту изо всех народов бывш. России в дело победы над центральными державами, с Германией во главе.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

М. Самсонов.

Очерк по истории физического развития и воспитания.

III.

На смену древнему античному миру, без резкой границы, пришли средние века. Ареной жизни вместо Малой Азии и государств около Средиземного моря стала Европа, часть Азии и Африки. Носителями мировой истории в ср. веках стали народы арийского племени, осевшие в Европе и образовавшие государства, продолжающие жить и до настоящего времени. Историю физического воспитания и развития, относящуюся к средним векам, принято считать от упадка Западно-Римской Империи (конец V в. по Р. Х.) и почти до середины нового века, проходящую через времена гуманизма, времена „могущества духа“ Декарта и Коменского, до времен филантропизма, т. е. до второй половины XVIII в. С этого времени уже начинается новая эра в истории физического воспитания и развития — эра снарядовой гимнастики нового времени.

На всем протяжении средних веков физическое развитие нигде не проводится систематически, физическое воспитание уже не считается необходимой частью школьного и внешкольного воспитания, как это было у Спартанцев и Афинян. Гимнастика жила только в мечтах очень узкого круга писателей, педагогов и докторов, которые в своих трудах проводили идеи физического воспитания, горели желанием возобновить гимнастику, но все их стремления остались в мечтах, и только высшая аристократия средних веков занималась физическим развитием. Но и аристократия не проводила это систематически. Конечно же, о гармоничном развитии в это время тела и души говорить не приходится.

Правда, и в средние века были выдающиеся артисты, эквилибристы, акробаты, гимнасты, но уже сам народ не относился к ним с таким восторгом и уважением, как в древней Греции, не воспевали, не прославляли победителей-героев. В самом народе не было уже любви к гимнастике.

Христианство вытравило у народа культ тела, считая его богопротивным языческим делом, недостойным христианина. У проповедников христианства всегда перед глазами стоял языческий Рим с его цирками, на аренах которых лилась потоками невинная кровь христиан, атлетов и гладиаторов, а поэтому языческая гимнастика, как олицетворение необузданных страстей, была предана проклятию. Христианство шло иным путем к спасению и счастью человека, нежели языческие Греция и Рим. Христианство стремилось к культу духа, заботилось о сохранении и неосквернении бессмертной души, грешному же смертному телу, как временному жилищу души, относилось с пренебрежением.

Жизнь вечную, христианство переносило в загробное существование, а потому на земную жизнь смотрело как на наказание, муку, временное страдание, с концом которой настанет вечное блаженство.

Этот великий переворот в мировоззрении человека на гимнастику, культ тела и вообще на физическое воспитание произвели, главным образом, монашеские ряды. Они в самом начале средних веков, физические упражнения вырвали из школ и греческая гимнастика была окончательно уничтожена.

Заботу о физической силе и своем теле в средние века — находим у рыцарей. Воспитание рыцарей носило характер физический, практический и национальный.

Воспитание начиналось с 7 летнего возраста т. е. с того момента, когда мальчики аристократии отдавались рыцарям и маркграфам. Они назывались пажами и сначала находились на воспитании у дам, которым во всем прислуживали. Дамы, т. е. жены рыцарей, учили своих пажей хорошим манерам, пению и музыке, религии и искусствам. Потом учились ездить на лошади, владеть мечем, (фехтование), стрелять из лука, обращаться с копьем и щитом. Этому искусству их обучали гофмейстеры. С 14 лет пажам торжественно вручался меч, и паж становился оруженосцем. С этого времени он был тенью своего господина. Он заботился о доспехах своего рыцаря, носил его оружие, подавал стремя и сопровождал его всюду. Главным же образом воспитание оруженосцев сводилось к тому, чтобы они усвоили в совершенстве военное ремесло и гимнастику (пять качеств физического развития — езда, плавание, стрельба, борьба, охота), игру в шахматы и поэзию (два качества развития интеллектуального).

При посвящении в рыцари оруженосец давал торжественное обещание перед алтарем, что будет служить правде, вдов и сирот защищать, слабому помогать, хранить веру, почитать служителей церкви и биться с неверующими. После этого ему торжественно вручались рыцарские доспехи: меч, копье, шлем, латы, пояс, металлические перчатки и шпоры.

Так обученный, вытренированный рыцарь имел много возможностей показать свою доблесть и в боях на войне и на состязаниях, — турнирах рыцарских.

Особенно прославились рыцари в Крестовых походах.

Средние века, века страшных и почти непрерывных войн (столетние, тридцатилетние войны, крестовые походы, Великое перес. нар. и т. д.), казалось, должны бы были оставить в истории физического воспитания и развития более яркий след. Однако, в действительности мы наблюдаем совершенно противоположную картину. На физическое воспитание в массе народной совершенно не обращалось внимания. Учения некоторых философов, гуманистов, докторов о необходимости физического воспитания вспыхивали яркими светочами в различных государствах, но огрубевший в войнах народ не воспринимал их учения.

Характерно, что на протяжении всех средних веков, нет ни одного народа, ни одного государства, которые бы обратили серьезное внимание на физическое воспитание, как это было в древнем античном мире Греции и Рима. Главную роль в упадке физического воспитания играла, конечно, церковь и кроме того господствовавшее в 16 и 17 столетиях мнение об интеллектуальном развитии человека. Физическое воспитание наблюдаем только у аристократии, рыцарей, при чем очень одностороннее, исключительно применительное к войне и военной службе.

Гимнастика как средство воспитательное в школу не проникла и гуманистам, несмотря на все их старания, не удалось ввести гимнастику в школьную программу.

Французская революция является началом физического воспитания во Франции и одновременно в Германии, где заводят гимнастику, как обязательный предмет воспитания в школах. Так настала новая эра, эра новой снарядовой гимнастики нового века.

(Продолжение следует).

В редакции журнала „В. К.“ можно приобрести книгу Бориса Кундрюцкова
Цена 20 корон. „КАЗАК И. И. ГАМОРКИН“. Цена 20 корон.

Думы и мысли.

Ив. Томаревский.
(*Болгария*).

СУД БОЖИЙ.

Когда свершится все в сем мире
И трубный звук людей сзовет
На судный день к престолу Бога,
Туда с степной великой шири
Придет и весь казачий род.
Придут дружины боевые
В порядке битв своих в степи,
И будут лавой их вести,
Ермак, и Платов, и другие
Казачьи славные вожди.
И станут все они пред Богом
В кровавых ранах и рубцах;
И суд откроется с глаголом
О всех свершившихся делах,
Людских бесчисленных грехах.
И скажет Бог Петру святому:
— „Открой ты двери в рай для тех,
Кто жизнь за веру не щадил,
Кто верен краю был родному,
Его как мать свою любил.
Открой всем тем, кто пострадал
На поле брани за мой крест,
Кто пролил кровь, кто боль приял,
Кто крепко знал людскую честь
И мой венец терновый взял"...
И Петр святой, гремя ключами,
Откроет двери пред собой,
Откроет рай пред казаками
И их введет туда полками
Со всею радостью святой.

О Казачьей анкете.

(Еще о книге „Казачество").

При появлении на свет Казачьей анкеты, казачья печать, хотя и отметила ее на своих столбцах, но, по моему мнению, невполне достаточно. Казакам с анкетой необходимо ознакомиться возможно ближе и в особенности сделать это нужно казачьей молодежи. Авторы отзывов в анкете сплошь и рядом не обычные, простые обыватели, а люди, обозначающие собой различные группировки, различные течения русской эмиграции. Поэтому то казачьей молодежи, на плечи которой в недалеком будущем падет грандиозная работа по устройству родных краев, нужно особенно пристально всмотреться в лица авторов анкеты, за которыми следуют группы последователей, поклонников из молодого поколения, с коими казачьей молодежи придется столкнуться неминуемо.

Сплошь и рядом в анкете можно встретить места по содержанию своему и задернутые туманом, и неискренние, и односторонние, и неотвечающие действительности и т. д. В силу этого, на мой взгляд, казачьей печати необходимо эту анкету пересмотреть вновь более подробно, не останавливаясь даже перед тем, чтобы подвергнуть анализу отзыв чуть не каждого автора в отдельности. Я позволю себе остановиться лишь на некоторых авторах, поделившись с читателем тем, как я представляю это дело.

Возьмем Митрополита Антония. Стремление части казачества, и к тому же немалой, к сепаратизму он называет „одурманением" и „бесовским кошмаром". Или Митрополит Антоний не знает истории Казачества, или он не хочет сказать открыто, как жестоко Москва и Петроград расправлялись с казаками. А ведь это факт! А за что? Да видимо за то, что Казачество всегда, а в последние страшные годы в особенности, первым умирало за веру и церковь православную, крепко хранило семейные устои, — это Митрополит Антоний подтверждает сам, — и хотело жить в своем курене, на своей собственной земле, кровью своей добытой, самостоятельно, без всякой опеки и вмешательства со стороны кого-бы то ни было. Весьма значительная часть казачества жаждет самостоятельной жизни, при чем эта жажда неразрывно связана со следующим положением: освободить казачий народ и других, думающих с ним одинаково, от сатанинского сна: а) восстановить храмы Божии, подкрепить веру православную, б) восстановить семью, освещаемую церковью, поднять основы нравственности, затоптанные в грязь. Неужели подобная жажда — „одурманение", „бесовский кошмар"?

Митрополит Антоний, надо думать, скажет, что спасать от ига надо весь русский народ! Так при чем же здесь казаки? Ведь за веру православную, за свое житье-бытье они восстали и боролись: Дон и Кубань только в смутную годину дали до 300 тысяч бойцев, а что дала, именующая себя православной, Русь? Куда, за весьма незначительным исключением — горсточки добровольцев, пошел Богоносец — русский народ? Чью кровь он проливал? Да, кровь казаков, которые не щадили живота своего, умирая за веру, за быт свой, за волю и честь свою, за государственный порядок! И все это казаки проделали, видимо, от одурманения и кошмара бесовского!? Представим на момент себе, скажем Украину и Юго-Восток самостоятельными государственными образованиями: ведь до 40 миллионов людей получат разумную свободу, получат возможность свободно славить Христа, жить настоящей семьей, освященной Православной Церковью! — Это невозможно, это дробление России, скажет Митрополит Антоний. Неужели нужны особые доказательства, что если народятся Украина и Юго-Восток, то Триэсерия получит не одну-две трещины, а целый ряд: Урал, Туркестан, Сибирь сейчас же освободятся и пойдет дробление Триэсерии, а не России, которой нет. Разве подобное дробление не есть спасение русского народа? Нет, по мнению Митрополита Антония, это „бесовский кошмар" и „одурманение", привитые евреями и разными нигилистами. И невольно напрашивается вопрос: а кем привито Митрополиту Антонию столь отрицательное отношение к людям, стремящимся дать возможность 40 миллионам населения жить по Закону Христа? Для меня ясно, что Митрополит Антоний, и его последователи, не только враги казаков-самостийников, но вообще враги всего русского народа.

По моему мнению каждый зарубежник должен стремиться к тому, к чему идет вольное казачество, т. е. к самостийности. А там впоследствии в какие формы эти самостоятельные образования выльются, какие останутся, какие сольются и как сольются, и как они будут долговечны — это покажет будущее, предугадать которое очень и очень затруднительно. Никто из нас, вступая в мировую войну, не думал и не предполагал, что в конечном результате этой войны Россия исчезнет. Заканчивая разбор отзыва в казачьей анкете Митрополита Антония, я смело заявляю, что самостийность не „одурманение", не „бесовский кошмар", а святое дело, покоющееся на праве, на крепости веры и нравственных устоев; это — стремление, ведущее к торжеству правды и справедливости над насилием, стремление, могущее дать возможность одним жить самостоятельно по заветам своих предков, другим — увидеть доподлинно Православную Русь. Мне, конечно, скажут, что, как не толкуй, а самостоятельность — дробление России (которой нет!). Для ответа на это нужно вообще потолковать о праве на самостоятельное бытие, но об этом уже не раз говорилось, и если понадобится еще, то побеседуем в другой раз.

Посмотрим теперь, как выглядит в анкете генерал А. И. Деникин. Он говорит: „И казаки восстали. Они боролись за свой казачий уклад, за земли свои и добро, за Края свои и Россию, за мир и порядок. И принесли они в жертву борьбе и свое достояние и несчетное число жизней". После такой блестящей аттестации, казалось бы, должно быть и соответствующее заключение, но мы читаем: „участие казачества в борьбе вооруженных сил юга было з н а ч и т е л ь н о и славно!" Что это? Боязнь кого-то, досада-ли, или насмешка и издевательство? Неужели пальма первенства в участии

принадлежит тем немногим чинам Дармии, которые явились к казакам без средств, без оружия, без всего того, что необходимо для ведения войны, и которые, явившись непрошенными гостями, и получив все, решили к тому же в казачьем дворе быть хозяевами? Ясно, что эти господа шли к казакам, как к своим холопам, как в свою вотчину. А потому, как же этих холопов поставить выше себя? Довольно с них и того, чтобы, похлопав их покровительственно по плечу, сказать: „значительно, славно", старайся — мол! Что дала Дармия и что дало Казачество? Что потеряла Дармия и чего лишилось Казачество? Да разве это только „значительно и славно"?... Говоря о самостийниках, генерал Деникин пишет, что казачья масса в смутные годы никогда и нигде не проявляла стремления к отрыву от России. Смутное время началось с конца февраля 1917 г. Помню, как в марте того же года по станицам старые, седые казаки на станичных площадях говорили: „ну, Слава Богу, наконец то теперь будем сами выбирать себе Войскового Атамана и заживем по своему, а они, (указывая на север) пусть сами по себе". Аналогичное же приходилось слышать и в полках. Один член Войскового Круга на Дону в заседании говорит: „Конечно, Россия страна приличная, но в низость произошла... ну и пушшай... А мы казаки сами по себе... к своему берегу пригребай..." Во время войны с большевиками Донские казачьи полки, дойдя до границ с прилегающими к Дону губерниями, дальше итти не хотели или шли весьма неохотно, для чего приходилось отдавать особые приказы непосредственно от имени Войскового Круга. Наконец, снисходительно-презрительное „казачки", ироническое „землеустроители" и злобное „опричники", „нагаечники" со стороны „благородных" россиян всех слоев и „кацапы", „толстопятые", „ваньки" со стороны казаков — разве все это вместе говорит за единение, а не за что-то другое? Видимо генерал Деникин казачью толщу недостаточно прочувствовал. Руководителей самостийного движения генерал Деникин называет „скорбноголовыми", или людьми, „продавшими совесть". Если раскрепощение вообще есть продукт работы „скорбноголовых", то, конечно, и покойного государя Александра II надо величать не просто „освободитель крестьян", а с добавлением: „скорбноголовый". Что же касается „совести", то генералу Деникину не следовало бы затрагивать этой области вообще. Прежде чем говорить о нечистоте совести других, лучше обратиться к своей собственной. Достаточно вспомнить повешенных кубанцев, достаточно вспомнить Новороссийск и брошенных там донцов! Здесь я спрошу, можно ли деникинцев считать своими ближними?

А. Золотов (Югославия).

Воспоминания.

Тоскует душа о родине. Нет веселых дней, о которых я вспоминаю. Эти дни прошли и нет им возврата. Одно осталось — воспоминания о прошлом.

Вспоминаю родные поля и луга, на которых когда-то, в молодые годы, работал хлеб, душистое сено. Бывало, поднимется в воздух первый жаворонок, — начинается утренняя заря, зашевелится природа, человек и насекомые; начинается трескотня косилок, от которой не слышно человеческого голоса...

Смотришь, по пыльной дороге казачка несет в сумах мягкие пироги. Перевесила через плечи сумы, а в руках несет карчашку молока своим работникам и ее голова еле видна между моря стоячего хлеба, который клонит тяжелые колосья от малейшего ветерка, как будто приветствует ее с счастливым днем.

И так день проходит в тяжелом труде, каждый хлопочет убрать за погоду то, что послал ему Господь Бог. Вот заходит за горизонт солнце и начинается вечер и, как будто, по сигналу загорелись огни около станов и пошла варка каши. Один подкладывает кизяки, другой толкет сало, третий снимает с люшни сумку с молоком, разводит его водой, четвертый поехал с боченком за водой в хутор и погнал быков на водопой. Вот привезена холодная вода, готова каша и начинается вечеря. Подходит сосед и просит кубышку холодной воды.

— А то у нас так согрелась в боченке, что пить нельзя.

— Кум, ты не вечерял, садись кашу исть.

— Нет, спасибо, у нас готова своя, вот вернусь, будем вечерять. Поблагодарил и пошел.

— Давай молока! Подали чашку молока, а в нее насигали кузнечики, которые запутались ногами в молоке и не могут освободиться. Один начинает их вынимать рукой и ругает их, что позалезли, другой ругает того, кто разводил огонь и не закрыл молоко.

Вечер окончен. Дали быкам корм и ложатся спать, кто на возу, кто под возом, а кто и на копне.

И вот лежишь на копне сена, а от ней дух просто аромат, а тысячи кузнечиков сидят в этой копне и турчат тебе под ухо разными голосами. Смотришь, один сигнул тебе на щеку и что-то поет тебе. И как это все было мило и отрадно, слушать свое родное.

Слушаешь, как по дороге в темноте идут быки, постукивая своими копытами. Подымаешь голову, слушаешь, — при луне мелькает белый платок и подумаешь: „Не Нюрка ли гонит быков на водопой так поздно". Подползешь к дороге, приляжешь к земле. Да, и на самом деле она. Вскочишь внезапно. Быки полохнутся, она заругается.

— Какой там черт пожалует!

Подойдешь к ней, улыбнешься и она успокоится. Спросишь, где будет ночевать, на возу или на копне. Та отвечает в сердцах:

— А ты какова чорта вчера не приходил, или другую нашел? я ждала, ждала и заснула.

Станешь рассказывать, что ездил домой за пирогами и опоздал. Она поверит, как раза два побожишься и скажет, где будет спать. Тогда бежишь вслед за быками, которые ушли далеко. Вернешься, ляжешь на копну и боишься заснуть, чтобы не проспать. Хотя сон берет свое, но глазами хлопаешь, не даешь им зажмуриться. Вот, думаешь, наверно время, встанешь и идешь между копен, чтобы незамеченным быть, а все насекомые турчат тебе в след, как будто радуются нашей ночевке.

И так время шло. Заходит осень, выйдешь пахать на чистый воздух и не показываешься домой. Останешься дневалить с быками в праздничные дни, вся молодежь под праздник собирается в один стан и советуется, где бы пойти ночью на добычу и в какой хутор. Одни говорили: „Мы пойдем за молоком, за сметаной". Другие: „А мы пойдем на речку, там ночуют гуси и утки". Третьи: „А мы пойдем в буераки, там ночуют свиньи". И после совета пошли в разные стороны. В полночь собираются на этот же стан, кто с утками и гусями, кто с молоком, кто с поросенком. И пошла общая уборка.

С птицей уходили в буерак, чтобы оставить подальше перья от стана. Поросенка смалили на месте, но дозоры стояли кругом, чтобы кто не напал внезапно. После всего начиналась общая варка и ужин, смех, рассказы, кто и как добывал все. Правда, один я вернулся с пустыми руками. Приготовил две карчашки молока в своем погребе и поставил у себя на гумне, под стог сена, а сам пошел к Нюрке. Когда вернулся, что же, наш кобель Валет учуял это все и перевернул карчашки и вылизывает остатки. Я взял порожние карчашки, позакидал дальше и ушел с пустыми руками.

Но все это миновало, наша шалость и молодость. Вспоминаю веселые дни, в которые гулял поздней порой и всегда возвращался в родную хату с песней. Но песни я любил старинные, за что меня уважали все. На утро всегда соседи спрашивали:

— Ну, брат, да и поздно ты вчера шел домой. Аж разбудил меня песней. Я только уснул под сараем и проснулся, когда ты заиграл про Шамиля, аж я вышел на гумно и долго слухал, покуда ты не замолчал.

И вот прошлое стоит в памяти, да оно и не выйдет никогда. Я вот в эмиграции, записал двадцать старинных песен и часто повторяю их, чтобы не вышли из памяти, хотится сохранить для потомства. Одна — моя любимая, которую собираюсь петь за родным столом, когда возвращусь на родину.

Эта песня — молодой казак поехал в набег и оставил невесту казачку; та обещала ждать, но изменила

слову. Так я и представляю себе, когда возвращусь и сяду за родной стол и начну петь ее...

... Но вместо того, чтобы кончать нам нашу эмиграцию, тут приходится еще совершить дальше. Вот наши братья кубанцы совершили неслыханный дальний путь в Перу, и какая им будет жизнь, один Бог знает. Не легко им было расставаться с Европой и с Родиной, которую может быть кто покинул на веки... Ну, не будем забывать один другого, ведь мы оказываемся вторыми Некрасовцами...

Е. Кочетов (Польша).

Казачья эмиграция.

Краткий очерк из жизни казаков в Польше.

В ночь с 30-го на 31 мая 1920 года, покинув ряды 1 конной армии тов. Буденного, мы очутились, в составе кавалерийской бригады, с 12 пулеметами и 4 орудиями, в районе местечка Белая-Церковь, занятого польскими войсками.

Расположенная в населенном пункте польская кавалерийская дивизия, руководимая генералом Карницким, встретила нас с воинской почестью, которой и мы ответили взаимно.

Отдав приведенных нами „политруков" и „военкомов" в распоряжение военных властей, мы расположились для отдыха после перехода в этом же селении.

К сожалению, отдыхать долго не пришлось. Товарищи, опомнившись после сделанного нами переполоху, бросились вдогон и, несмотря на ожесточенное сопротивление польских улан, продвинулись настолько вперед, что нам пришлось сделать около восьмидесяти верст переходу. Отправить нас в глубокий тыл генерал Карницкий не мог: во-первых потому, что не имел времени заниматься исключительно нами, так как Буденный повел энергичное наступление, окружив его с трех сторон, а во вторых, началось общее отступление польских войск.

Отступать пришлось наудачу. Проходили через населенные пункты, уже занятые большевиками, но в такой сумятице „своя своих не познаша", никто не обращал на нас внимания. Наконец, через четыре дня нам как будто удалось выбраться из „сети" и мы двинулись по направлению ж.-д. станции „Малино" и „Коростень". Станция „Малино", первый пункт, где было обещано нас погрузить в вагоны и поездом отправить в глубь страны для отдыха и формирования, оказался для нас также неудачным.

Одна из бригад, так называемая „Грузинская сов. Кавбригада", руководимая восточным человеком, при содействии большевицки-настроенного населения пробравшись волынскими лесами, совершила налет на район, в котором мы расположились.

Население деревушки, в которой мы были расположились, исключительно русское, оказалось до такой степени большевицки-настроенное, что ожидало „товарищей" как избавителей мира.

Грузинская бригада, скрывавшаяся в лесах, сделала неожиданное нападение на расположенные там польские пехотные части и, конечно, на нас заняв в первую очередь: штабы бригады и полков и квартиру находящихся при нас двух польских офицеров, как представителей от власти, со взводом улан. Жертвою набега стали 200 человек и двести лошадей, в том числе два командира полка с ад'ютантами и несколько офицеров...

К 12 часам этого же дня мы походным порядком двинулись на станцию Коростень, где погрузившись в поезд, были отправлены в город Ровно.

Со дня нашего перехода в Польшу, командир нашей бригады есаул (ныне полковник) Сальников и начальник штаба бригады сотник Протопопов находились все время в Варшаве, где хлопотали о разрешении нам сформировать отдельную боевую часть для активного выступления против большевиков. Это удалось. Формирование началось в городе Ровно, но быстрое отступление польских войск тормозило начатое нами дело. Скоро, в виду приближения большевиков, мы вынуждены были оставить Ровно.

Услышав о переходе другой казачьей бригады, которую польские власти поместили, как интернированных в Брест-Литовской крепости, есаул Сальников начал ходатайствовать об отправке и нас в Брест-Литовск с целью соединить обе бригады вместе и составить дивизию, на что, конечно, польские власти охотно согласились.

По прибытии в Брест-Литовск дело приняло совсем другой оборот. В перешедшей второй бригаде оказались два противоположных лагеря. Командиром этой бригады был сотник Аржановсков (Начдив 21).

Перейдя во главе бригады на сторону польских войск, ему, конечно, не хотелось уступить командование другому. Началась борьба за власть. Об этом было доведено до сведения коменданта крепости, который приказал содержать эту бригаду не как интернированных, а как военнопленных. Узнав о таком распоряжении, сотник Аржановсков обратился с просьбой к коменданту о командировании его на фронт и с большинством казаков поступил в армию Балаховича.

Комендант крепости не отменил своих распоряжений, а содержал оставшихся казаков на положении военнопленных. Много стоило труда есаулу Сальникову, чтобы добиться разрешения у коменданта переговорить с заключенными. Вслед за таким разрешением последовало распоряжение сделать тщательную перегруппировку казакам, отделяя политически благонадежных. Этого только и желал командир бригады, а для того, чтобы ускорить подобную перегруппировку, немедленно распорядился выслать из своей бригады по одному представителю от станиц. Таким образом эти представители, забрав каждый своих знакомых, станичников, братьев и т. п. вывели из тяжелого положения казаков и влили в состав нашей бригады. Дивизию составить вследствие малочисленности уже не удалось.

Нужно отдать справедливость польскому правительству, оно охотно пошло навстречу казакам во время формирования. Всякие требования немедленно были выполнены, выдано по два полных комплекта обмундирования; выдало всем утратившим по той или иной причине лошадей, а офицерам было разрешено иметь по две лошади; снабдив всем необходимым для вступления в бой, разрешило целый месяц отдыхать, привести себя в порядок, подкормить лошадей. 10 августа 1920 года мы вступили в бой против большевиков, как отдельная Донская казачья бригада.

В польских войсках тогда кавалерии было совсем мало, поэтому наша бригада была поставлена против большевиков там, где оперировал товарищ Буденный. Там мы вошли в состав группы генерала Краевского. Всего лишь в двух боях: под Львовом и Замостьем тов. Буденный был разбит наголову; бывшие в его рядах казаки, узнав, что против них стоят их братья, ежедневно группами, даже сотнями переходили к нам.

Лишь с остатками советский кавалерийский „вождь" вынужден был уйти в глубокий тыл в гор. Черный-Остров на новое формирование. Так и не пришлось ему разгуливать по улицам польской столицы.

С уходом его, положение польских войск несколько улучшилось. (Высшее польское командование, не располагая достаточным количеством кавалерии, считало его самым опасным врагом). Скоро было получено известие что и под Варшавой большевики потерпели неудачу, оставив 80 тысяч пленными. Наконец и мы перешли в наступление. Большевики отступали в беспорядке. И вдруг — сюрприз! 12 октября 1920 г. был получен приказ генерала Краевского приблизительно такого содержания: „Согласно поступившему предложению советского правительства, о прекращении военных действий, польское военное министерство предписало,

Группа донских казаков в Польше (Августовский район).

на 14 сего сентября временно прекратить, военные действия, отступив по всей линии 30 верст. Поэтому Донской казачьей бригаде выслать одного штаб-офицера с квартир'ерами за реку Случ в деревни Н. и О. Бригада должна быть расквартирована по возможности просторнее, так как по всей вероятности в этих квартирах придется зимовать, неся пограничную службу".

Этот приказ разрушил зарождавшиеся в казачьих сердцах надежды. Но, делать было нечего. На другой день, т. е. 13 октября был получен другой приказ, содержание которого отняло совсем надежды: казаки ходили, опустив головы, собираясь в кружки, посылали проклятия по адресу всех и вся.

Командир бригады неоднократно обращался к высшим польским военным властям с просьбой оставить бригаду для несения пограничной службы. Ему хотелось избавиться от новых московских союзников, но увы! уже было поздно.

Русский попечительный комитет в Варшаве, возглавляемый Борисом Викторовичем Савинковым, уже включил казаков в состав 3-й русской армии. Донская казачья бригада к 23 октября должна была прибыть на сборный пункт — станцию Шепетовку. Генерал Краевский благодарил казаков за совместные боевые переживания и пожелал дальнейшего успеха.

На сборном пункте войск насчитывалось, если не ошибаюсь, до пятидесяти тысяч. Пока большевики приводили в порядок свою разбитую армию, а 3 русская армия двигалась в одном направлении, успехи были блестящие.

Но потом украинская армия ушла в одном направлении, армия Балаховича (белорусы) двинулась освобождать свою родину. Центр 3-й армии состоял больше из штаб и обер офицеров, даже генералов; скоро он тоже двинулся в неизвестном направлении.

Что-же оставалось делать казакам? Собрались во единый круг и стали думушку думать. Было два неразрешимых вопроса. Повернуть на восток, следуя примеру 3-й русской армии, — нас мало; вернуться обратно в Польшу, неизвестно, как она нас теперь примет. „Вот зажали нашего брата, еще никогда так не зажимали", слышалось всюду. А положение, действительно, было скверным. От 3-й русской армии остались только воспоминания, а большевики между тем вели бешенное наступление, не только не давали нам возможности продвинуться вперед, но даже и обратный путь в Польшу был уже очень труден.

Наконец решили отступать к польской границе. Но отступать пришлось уже только ночами. Когда отступили к границе, то переходить таковую пришлось чуть ли не так: „Справа по одному с рубкой лозы наметом!" и было бы не мало нарублено „лозы", если бы польское правительство не потребовало от большевиков прекратить немедленно вооруженную борьбу на нейтральной зоне.

Долго польское правительство держало нас над границей, оставив при нас холодное оружие (офицерам револьверы) и собственных лошадей, пока не был подписан в Риге мирный договор, а в декабре, забрав лошадей, отправили нас в лагерь интернированных в г. Остров-Ломжинский. Началась казарменная жизнь.

Трудно было казакам привыкать к этой скучной жизни; долго тосковали по своим верным товарищам (коням), с которыми их в силу обстоятельств польское правительство разлучило. Более слабым проникла в сердце тоска по родине и, хотя боязливо, однако стали записываться, а на праздник Св. Пасхи первый ешелон в совдепию был отправлен...

Лагерная жизнь, если не считать „Гнилорыбовского переворота", протекала тихо и спокойно. Бывшая конно-артиллерийская казарма была в надлежащем порядке, продовольственный паек давался наравне с польскими солдатами, только ощущался недостаток в деньгах, но зато и работы абсолютно никакой не было. Открылись библиотеки; имевшие деньги казаки открыли разного рода торговли, а затем пооткрывались и полковые кантины (кооперативы).

Комендант лагеря стал производить сотенные, даже полковые занятия, а больше всего гимнастические упражнения. Пели песни. Лагерь содержался вообще чисто, часто производились дезинфекции, каждую субботу баня, выдавалось некоторое обмундирование и белье. Часто выдавались пропуска в город, сначала партиями со старшим, а затем и по одиночке.

Настало время полевых работ. Казаки, услышав звон кос, рванулись вон... „Эх! показал бы я им, как косят! Как бывало мы выйдем на станичные луга в пятером, да рядом... да и трава то у них не такая, как

у нас..." И начали казаки мечтать, как сделать так, чтобы вырваться из неволи, хотя бы на некоторое время избавиться от трехрядного заграждения, которым был обнесен лагерь.

Казаки скоро умеют найти выход. Выдаваемые ежедневно пропуска в город и стали служить выводом казаков из лагеря: вышедшие по пропуску передавали в условленном месте посредством нитки, на которой привязан пропуск и маленький камень, другим и т. д. Иные, заведя дружеские отношения с польскими солдатами, стоявшими у входной двери лагеря, тоже уходили.

Таким образом казаки скоро рассыпались по окружающим лагерь деревням. Казаки, нелегально уходившие из лагеря, поручали получку продовольственного пайка своим товарищам, оставшимся в лагере и в субботу возвращались с деньгами; на другую неделю выходила другая „очередь", а первые оставались в лагере. Наконец, во время хлебной уборки, комендантом лагеря было разрешено отпускать казаков небольшими партиями со старшим на полевые работы. В лагере оставались только те, которые по той или иной причине не могли выйти на работы.

На полевых работах казаки показали себя с самой лучшей стороны, как в отношении работы, а главное поведением, держали себя образцово и с достоинством.

В августе месяце последовало распоряжение желающим выехать на лесные работы, на постройку мостов и железных дорог. Условия по существу не были так легки, однако „вольному воля" и казаки большими партиями потянулись в лесную глушь Беловежской пущи и Августовских лесов.

На лесных работах казаки стали скоро разочаровываться, заработок оказался не совсем такой, на который расчитывали, наступали краткие осенние дни, чаще стали проходить дожди, далеко не „сезонная" и в плачевном состоянии одежда начинала изменять своему назначению, а справить новое не удалось. Польская валюта падала. Наконец настала зима. Учтя все эти обстоятельства, казаки не решались остаться на зиму в лесу и многие пожелали возвратиться в лагерь. Оставшиеся решили подыскать другой подходящий труд. Предприниматель решил во что бы то ни стало удержать казаков, отвел для них подходящий участок, повысил плату и уплатил по этой цене за все раннее сделанные „метры". При выплате у казаков оказались деньги. Некоторые справили себе одежду.

15 мая 1922 года уездным начальником гор. Августова были выданы каждому в отдельности документы. Казаки рассыпались во все стороны Августовского уезда, предоставив право судьбе распоряжаться собою и с этого времени они стали „вольными" людьми, освободившись от постоянного подвластия, вздохнув свободно, призадумались задавая вопрос: „Куда идти и чем заняться"?

Одни решили заняться природным ремеслом — хлебопашеством, к крестьянам, другие поступали в имения кучерами, третьи предпочли изучить какое-нибудь ремесло, поступали в разного рода мастерские, а большинство остались на лесопильном заводе, на котором впоследствии нашло себе приют около 400 человек казаков. Первые из них, что называется, стали на ноги (те, которые остались на лесопильном заводе) вследствии того, что, насколько польская валюта теряла ценность, настолько фабрика повышала заработную плату и в течении нескольких месяцев у казаков уже вместо разноцветной военной одежды, показались штатские костюмы и даже шляпы.

Не плохо жили и те, которые работали у крестьян, а хуже всех жилось тем, которые не имели постоянного занятия, ходили как бы по волчьему билету. Через год-два появились казаки ремесленники.

Что касается офицеров, они почти все, вместе с казаками, разделяют горькую участь физических, иногда непосильных работ. Лишь немногим удалось, еще будучи в лагере интернированных, окончить ускоренные курсы и кое как устроиться по специальности.

Лагерь интернированных существовал до 24 года. За это время казаки, устроившиеся на подходящих работах, постоянно перетягивали к себе оставшихся в лагере. Таким образом в Сувалкской губернии насчитывалось около 1000 человек казаков — донских, кубанских, оренбурских, уральских и много украинцев; больше всех было донцов.

Центром казачьим был город Августов — лесопильный завод, куда в годовые праздники, дружно жившие между собою казаки с'езжались со всех сторон помолиться Богу в Св. Храме и вместе со станичниками праздновать этот праздник. Казаки лесопильного завода были господами положения и, помня казачьи традиции принимали приезжающих гостей, угощали их по нескольку дней и ни один годовой праздник не был отпразднован, чтобы в нем не принимала участия и администрация завода во главе с директором.

В среде этой партии не было ни одного как из казаков так и из офицеров, чтобы занимал какую-либо административную должность, все пользовались одинаковым правом рабочего и каждый знал свое дело. Общими силами они помогали безработным, заботились о больных, находящихся в госпиталях, хоронили умерших, открыв для этого кассу взаимопомощи. Выбирали из своей среды казначея и контрольную комиссию. Обзавелись небольшой библиотекой. Ни в какие организации различных политических партий они не входили и жили, как будто о них никто не знал.

Наконец в конце 24-го в начале 25 года прокрался к нам информационный листок донского правительства, в котором Донской Атаман поздравил нас с новым годом и пожелал скоро возвращаться на Тихий Дон и освободить матушку Россию.

На подобное пожелание Донского Атамана казаки постановили письмом благодарить Атамана за поздравление с новым годом и за доброе пожелание только с оговоркой, что если мы вернемся на Тихий Дон, то освобождать „Матушку Россию нам нет надобности".

Вслед за информационным листком, прибыл делегированный генералом Красновым полковник З-ков с предложением войти в состав Красновской станицы в Париже, обещая большую материальную поддержку. Казаки как будто бы согласились войти в состав этой станицы, образовали и хутор, назвав его Николаевским. Вскорости полковник З-ков уехал обратно во Францию и обещанная „манна" осталась пустым звуком.

Прошел год, поддержки нет. Положение и на лесопильном заводе изменилось, но, вдруг открывается широкая дорога и казаки большими партиями потянулись искать себе счастья во Францию. Много вернулось и на родину.

Оставшиеся до настоящего времени казаки Августовской группы рассыпались по окрестностям Августова, устроившись кое-как на жизнь, многие обзавелись маленькими хозяйствами домами, а некоторые и семьями.

Изредка встречаясь друг с другом, распространяют таким образом идею Вольного Казачества, передавая из рук в руки журнал „В. К."...

С-тов.

Казаки во Франции.

Жизнь казаков, расселенных по белу свету, уже достаточно освещена в казачьей печати, а главным образом жизнь казака рабочего, т. к. большинство казаков, особенно во Франции, превратилось в фабрично-заводских рабочих. Очень многие, а главным образом те, кто не боится работы (а кто из казаков ее боится?) устроились хорошо и живут безбедно. Завод считается верным делом Ни погода, ни время года не отражаются на положении рабочего, особенно в провинции. Как бы ни работал, а придет день получки — денежки подавай, так что в материальном отношении казаки во Франции живут много лучше, чем в других странах Европы.

Я не задаюсь целью в этом письме описать положение казака-рабочего, я хочу нарисовать те возможности, какие имеются для устройства казаков на землю во Франции. Все помыслы исстрадавшегося казака обращены к земле-кормилице, но к земле далекой, за океан, куда уже уехали казаки пионеры. Как известно, поехало две группы, неполадившие между собой. До сего времени нет точных данных о тех перспективах, которые ждут там казака. Известно только, что две группы, уехавшие

за океан, поселены в разных местах, известно что часть из уехавших „киркует шоссе“ (это занятие надоело казакам и в Европе), часть осматривает и распределяет землю, часть якобы приступила к постройке жилищ и пр.

Лично мне известно, что группа казаков, уехавших из Парижа, имела намерение там на месте перед правительством Перу возбудить ходатайство об отводе земли для поселения казаков и чтобы местность, заселенная казаками, пользовалась правами автономной казачьей области. Сделано ли что в этом направлении, пока сведений нет, так что об этой заокеанской обетованной земле нет пока возможности иметь определенное представление. Все печатные материалы очень разноречивы и порой вводят в заблуждение читателей о землях республики Перу.

Об устройстве же на землю во Франции имеются вполне определенные данные. Качество земли известно, климат известен, возделываемые культуры тоже известны.

На юге и на юго-западе Франции сотни тысяч гектаров земли пустуют, никто ее не обрабатывает. До появления в этой полосе казаков, а также и русских землеробов, главным элементом по аренде пустующей земли были итальянцы, которые являются плохими хлеборобами и французу, сдававшему ферму итальянцу, было и есть очень мало пользы. Как только первые казаки взялись за землю, французы сразу увидели, что казаки умеют обрабатывать землю. В первое время были очень удивлены, так как они знают только казака воина, но никак не хлебороба.

Очень распространен здесь способ брать ферму (хутор) с половины. Условия в общем сводятся к следующему. Хозяин-француз дает казаку землю, живой и мертвый инвентарь, казак должен обработать землю, а прибыль — пополам. Договоры заключаются обычно осенью на один год (на больший срок в первый раз не рекомендуется). Казак получает поле уже засеянное, но через год, если казак уходит то оставляет хозяину или арендатору тоже засеянное поле. Берущий с половины ферму должен иметь небольшой капитал (примерно 2500—3000 франков), чтобы дожить до урожая. Очень часто бывает, что фермер француз поддерживает своего арендатора продуктами до урожая. Один человек не может обработать землю сам, а посему казаки селятся группами по 3—5 человек, есть группы и больше, но это редко. Крайне необходима в таких случаях женщина, т. к. французы неохотно дают землю „коммуне“, среди которой нет женщины. Женской работы на ферме много; уход за коровами, свиньями, кроликами, птицами и пр. — все это лежит на обязанности женщины.

Отношение к казакам, осевшим на землю, очень хорошее и со стороны властей, которые очень заинтересованы в поднятии земледелия. Некоторые казаки, жены которых находятся в родных краях, обратились к властям о выдаче виз женам.

Визы были выданы беспрепятственно и приезд казачек зависит от двух обстоятельств: сможет ли казачка вырваться из советского „пекла“, а также есть ли деньги на дорогу. Этот пример привел для того, чтобы указать отношение к казакам хлеборобам местных властей.

Может быть возникнет вопрос: почему так много ферм не обрабатывается? Ответ на этот вопрос простой: многие фермеры дают своим детям образование и те, получив образование, конечно, в деревню не возвращаются; много молодежи просто уходит жить в города, где жизнь веселее и более комфортабельнее, а также и сами фермеры часто не имея помощников (допустим бездетные) сдают ферму в аренду и в „скопщину“, переезжают в город заниматься торговлей и пр.

Прежде чем казаку взять ферму с половины, он подучивается местной обработке земли. Делается это так. Летом казак отправляется на ферму, поступает на два, три месяца рабочим, присматривается за это время к постановке дела, а когда подойдет время сдачи фермы берет ферму в „скопщину“.

Из этого очерка можно сделать заключение что условия сносные и можно высказать удивление, почему же казаки не оседают на фермах. Здесь я сделаю маленькое разъяснение. Нужно иметь в виду, что земля здесь по качеству хуже, чем на Кубани или на Дону, а посему требует удобрений. Главными источниками прибыли является не пшеница или ячмень, а виноградники, сенокосы, птицеводство и пр. Правда, есть районы, где хорошо родятся и зерновые злаки, которые и являются главным источником дохода.

Много случаев есть, где аренда вернее „скопщина“, кончается неудачей. Роль первородного греха в таких случаях играют два важных обстоятельства: первое — нелады между людьми, взявшими ферму в скопщину, и второе — отсутствие женщины. Уже как-то принято за правило, что если группа казаков берет ферму с половины, то один должен быть старший и ему все подчиняются. Если старший оказывается толковым, хозяйственным человеком и остальные члены „семьи“ ему подчиняются и слушают, то тогда и нужно ждать хороших плодов своей работы. Мне приходилось получать письма от таких трудолюбивых казаков, которые пишут: „Зачем мне ехать в Перу, в полную неизвестность, если и здесь земли сколько угодно, лишь бы работал“.

Нельзя не согласиться с такими резонами. Как пример можно указать группу казака кубанца Александра Дейнега. Группа у него большая, ферма тоже большая (больше 100 гектаров земли) и они преуспевают в этом деле и понемножку богатеют.

Казачья молодежь как-то не особенно ретива насчет оседлости и предпочитает жить в городе, работать на фабрике, рассуждая просто: „и спокойнее и веселее“.

Все казаки хлеборобы знают, что обработка земли требует труда и только тогда будет благоприятный результат. Молодежь еще не привыкла к сельскохоз. труду, а потому предпочитают фабрику земле, но казаки средних лет в особенности те, которые в прошлом занимались исключительно земледелием, стремятся осесть на ферме. Часто осуществлению этих стремлений мешают все те же два обстоятельства, а именно: трудно подобрать хорошую компанию и отсутствие женщины. В следующей корреспонденции я коснусь детально правового положения арендатора-испольщика, а также для примера опишу хотя бы один случай скопщины.

Еф. Якименко.

11 Ноября 1929 г. Париж.

Калмык-джигит Санжа Улюков

Калмыки в Монтаржи.

В городе Монтаржи, во Франции, при заводе „Учинсон“ группа калмыков образовала кооперативное товарищество под названием „Дон“. Установлен паевой взнос учредителей т-ва 500 франков единовременно и постоянный-ежемесячный 20 франков. Вновь вступающие члены вносят ежегодный взнос по 50 франков считаются рядовыми членами.

Цель учредителей товарищества — создание кооперативного дома с квартирами, где бы члены квартиранты сами платили бы себе. Из чистой прибыли в будущем, которая возможна от побочных операций, как-то: столовой и лавочки, предполагается создать общий

капитал на случай болезни, старости, безработицы, а также и похоронную кассу.

Дирекция завода пошла навстречу новому общественному начинанию выдачей ссуды 10,000 франков на покупку земли, которая куплена в количестве 570 кв. метров. В данное время приступлено к постройке барака в 6 комнат.

Для достижения конечной цели — постройки дома — товарищество принимает срочные, от 1 года до 3-х лет, вклады, платя на них не ниже 12% годовых и правительственный налог. Членами товарищества могут быть лишь калмыки и казаки.

Товарищество обращается ко всем соотечественникам с просьбой посылать свободные деньги на вклад в товарищество „Дон". В правление избраны молодые, полные сил и желания довести дело до конца, люди. Председатель — Афанасий Егорович Петров, казначеем Санжа Учурович Польшинов и секретарем Илюмдже Эренценович Кирилов (Граббевской станицы).

Председателем ревизионного совета Бадма Пант. Ванькин (Кутейн. ст.), члены: Манжик Бадминович Бельхаков (Денис. ст.), Борис Санджинович Балданов, Соловей Умадыков, (Чунус. ст.), кандидатами в правление и совет: Качкинов Эрдне и Джакутинов Учур. (Граб. ст.).

В сотрудники правления учредители пригласили счетоводом бывшего кооперативного работника Донских кооперативов Василия С. Самсонова.

Добрый час благому начинанию, честь и слава учредителям, непобоявшимся внести в общественное начинание свои трудовые деньги, деньги пота и крови. Дай Бог, чтобы по намеченному пути пошло и все казачество, которое вот уже 8 лет толчется в Монтаржи на одном месте, переливая из пустого в порожнее, только не думая о необходимом.

Один из сочувствующих.

† Н. А. Литовченко.

Николай Андреевич Литовченко родился в ст. Вознесенской (Еременской) Лабинского отд. в 1899 г. жил в Лабинской, там окончил гимназию, а потом поступил в Кубанское Алексеевске Военное училище на инженерное отделение. Отступал из Екатеринодара с частями Кубанской армии и, по судьбе всех кубанцев, попал на Лемнос.

С Лемноса попал в Чехословакию. Здесь он поступил в Пшибрамскую Горную Академию, с успехом окончил ее; получил диплом инженера. Весной 1928 г. был назначен на службу инженером в Подебрады. Здесь он слился с Кубанской семьей — студентами „Української Господарської Академії.

По своей натуре, он далек был от того, чтобы заботиться только о своем благополучии. Он никогда не забывал своих друзей и знакомых и всегда был готов помочь каждому, в чем мог. Всегда жизнерадостный, казалось, что он никогда не грустил, а наоборот сам заражал других бодростью и верою в лучшее будущее.

Инж. Н. А. Литовченко за работой в своей канцелярии.

11 ноября, рано утром он возвращался из с. Длоголольско в Подебрады на службу. Быстрыми, живыми шагами спешил он по шоссейной дороге, им же выстроенной, на ближайшую станцию ж. д. Не сделал и 100 метров, как мчащийся с головокружительной быстротой автомобиль налетел на него и свалил одним ударом. Залитый кровью, он лежал сбоку шоссе, тяжело переводя дыхание и изредка испуская мучительные стоны. Смерть уже кружилась над ним. Через час его привезли в Подебрады к доктору, но уже не было возможно вырвать его из рук неумолимой смерти, и на глазах доктора он испустил последнее дыхание.

Полного энергии и знаний, так необходимых для родного Края, жестокая смерть отняла у нас Н. А. Тяжело быть свидетелем того, как редеют эмигрантские казачьи ряды. С болью Кубанская Колония в Подебрадах, возложила на гроб земляка свой прощальный венок с Кубанской лентой.

12 ноября проводили мы покойника из Подебрад в Пшибрам.

14 ноября в Пшибраме, православный священник отслужил заупокойную панихиду. После панихиды многолюдная похоронная процессия направилась к городскому кладбищу. Около Ректората Пшибрамской горной Академии, студенты горняки, над гробом Н. А. пропели свой, так называемый, гимн горных инженеров. В похоронах принимали близкое участие, со всем профессорским и студенческим персоналом, Горная Академия, которую окончил покойный, жители города и приехавшие из разных концов Чехии кубанцы. На гроб возложено было много венков. Над могилой произнесено несколько прощальных речей...

Ф. Штовхань.

У калмыков.

Председатель Калмыцкой строительной комиссии в Белграде Абуша Алексеев отношением своим от 14 ноября с. г. № 204 сообщает, что пожертвования на постройку Буддийского храма, переданные через посредство редакции „В. К." от Н. Скобелина 10 фр. франков и от д-ра С. Федорова 20 чешских крон, с благодарностью своевременно получены и заприходованы.

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый, Г. Редактор!

Прошло долгих 8 лет, как на заводе „Учинсон" в г. Монтаржи (Франция) работает до 2-х тысяч русских и славян; приезжая во Францию, все надеялись на возможность экономии на черный день, но оказалось, что об экономии не приходится думать, так как дороговизна на продукты первой необходимости, а в особенности квартира (100—150 фр. в мес.) поглощают все и заработка хватает только, чтобы свести концы с концами. Каждый чаще стал замечать усталость, растет страх за будущее, за дни горшие, когда не будет сил, не будет здоровья. Когда фабрики и заводы скажут: Вы стары, для вас нет работы, — что делать тогда? У рабочих местных есть родные, близкие и правительство — они помогут им. Кто окажет помощь нам? Идти с протянутой рукой просить милостыню? — да и дадут-ли ее...

На одном из частных совещаний был затронут этот вопрос и там же поднято было рассмотрение пути к подготовке к встрече этих тяжелых дней, дней старости, болезни да и безработицы путем испрошения милостыни сейчас, пока мы сильны, здоровы и имеем работу; такой милостыни, которую мы сами постепенно могли бы дать. Брошенная искра зажгла свет, который постепенно разгорается. Создалось Кооперативное Т-во, Кооперативная Касса Взаимопомощи; в основу сего положили думы о худших днях; создание из паевых взносов, а также добровольных взносов и приема срочных вкладов (с оплатой процентами) — капитала, необходимого для покупки земли и постройки дома с необходимым для членов количеством дешевых комнат, открытия в нем столовой для питания а также лавочки для снабжения предметами первой необходимости. Прибыль от них, покрыв затраты на покупку земли и постройку дома, должна создавать капитал болезни, безработицы, старости, а также похоронный.

О выгодности и целесообразности такого начинания говорить не приходится. Оно бесспорно. Но тяжело его начинание, тяжел почин в особенности сейчас, когда мы все один на одного смотрим как звери, один одно-

му мало доверяем. Тяжел и тернист путь общественности, но легок и гладок он становится, когда видите хотя маленькую поддержку. Группа, сознающая необходимость такого начинания, положила основу ему. Купила землю 1.100 метров. К продолжению начинания, к постройке дома приступать не с чем, нет средств. Путем переговоров с одной из контор по постройке домов, Правление добилось согласия на воздвижение постепенно этаж за этажом дома в два этажа. Но необходимо внесение капитала в 25.000 франков. Часть средств будет собрана между членами, но 15 тысяч не хватает. Общее Собрание членов, обсуждая этот вопрос, пришло к решению, что раньше 3—4 лет из паевых взносов собрать капитала в 15 тысяч (для внесения в контору постройки задатком) будет невозможно (после чего только она приступает к воздвижению дома размером 8 метр. ширины и 30 длины, в 20 комнат одного этажа; по выплате первого этажа контора ставит второй). Собрание разрешило Правлению обратиться с просьбой оказать содействие в составлении капитала 15 тысяч ко всем имеющим возможность помочь этому начинанию внесением на один-два года вкладов и Т-во за них будет платить не ниже 12% годовых. Двадцать комнат дадут Т-ву ежемесячно 1.500 франков. Стоимость дома 45.000 франков, уплата долга конторе постройки 30.000 франков в течение 10 лет.

Правление было бы признательно Вам, г. Редактор, если бы Вы между своими близкими и знакомыми распространяли нашу просьбу и обратились к ним о помощи нам хотя бы малыми взносами. Как бы малы таковые не были, они будут приняты с земной благодарностью.

Всю переписку по этому вопросу направлять по адресу:

Mr. Samsonov Basil. Rue Regnault, 8. Vesines-Chalette (Loiret).

В получении сумм будут высылаться квитанции и сообщаться в газетах: „Последние Новости“ и „Возрождение“.

Правление Товарищества.

Монтаржи.

В Казачьих Землях.

Вокруг хлеба.

„Отсталость“ Терека. Поход агитколоны. Репрессии.

Зацепин из Пятигорска сообщает „Экономической Жизни“, 9 октября: „Терек позорно отстал в хлебозаготовках. По всему Сев. Кавказу это самый отсталый округ. „Мы побывали в терских станицах, чтобы выяснить причины исключительной отсталости Терека. И видели большую работу окружных организаций в области хлебозаготовок, видели огромную энергию, изобретательность в способах работы по заготовкам. Взять хотя бы терские агитколонны, организованные по почину редакции окружной газеты „Терек“. На каждой стоянке эти агитколонны выпускают настоящие, печатные походные газеты, открывают справочные бюро и т. д. Участники этих колонн — рабочие, рассыпаются по станицам и в живых беседах раз'ясняют простым, понятным хлеборобу, языком смысл пятилетки, раз'ясняют так, как не сделает этого квалифицированный оратор. С колоннами ездят и „гармошки-тальянки“. Работа идет разнообразная, всесторонняя.

„Но все же Терек позорно отстал“, — инквизиторским тоном повторяет Зацепин и конечно твердит при сем удобном случае о „далеко еще не сломленном сопротивлении кулаков и их приспешников“. Как пример он сообщает о таком случае: „в станице Бекешевской окружную агитколонну кулаки встретили своей „кулак-колонной“: кулацкие жены и их кумушки вышли на улицу толпой, распустили на себе волосы, рвали одежды и истошным голосом кричали, что не дадут хлеба. Этот маскарад, конечно, мало смутил колонну, он доставил лишь несколько веселых минут участникам колонны“.

Из Ростова по телеграфу сообщают „Экон. Жизни“, 22 октября: „Кулачество Сев. Кавказа продолжает упорную борьбу против хлебозаготовок, стараясь всячески сорвать выполнение хлебозаготовительного плана. Кулаки попрежнему задерживают хлеб. Типичным в этом отношении надо считать такой случай: в с. Саблинском, Терского округа, кулак Петро Середа, имевший 35 центнеров хлебных излишков, сдал всего 32 килограмма. В одном лишь Армавирском округе кулаки, отказываясь выполнять данные им задания, задерживают тем самым свыше 50 тыс. центнеров хлебных излишков. Всюду кулаки продолжают ожесточенно агитировать против заготовок, стараясь привлечь на свою сторону середняков.

В целом ряде сел и станиц Кубанского, Донского, Ставропольского и др. округов кулаки открыто пытались скрывать общегражданские собрания, на которых обсуждался вопрос о доведении хлебозаготовительного плана до двора. В Вознесенском, Донского округа, кулаки, явившиеся на собрание хлеборобов, организованное агитационной бригадой, подняли крик о том, что бригада явилась „развращать молодежь“. Не ограничиваясь этим, кулаки переходят к террористическим актам против лучших представителей бедняцко-середняцкой общественности, активно участвующих в выполнении хлебозаготовительного плана. В Морозовском районе, Шахтинского округа, кулаками убит за активность в хлебозаготовках комсомолец Крючков. В ст. Наурской, Терского округа, сын бывшего атамана, Рассказов выстрелом из ружья тяжело ранил селькора Онуфриенко, активно помогавшего хлебозаготовительным организациям“.

Хлеб есть! Умейте его найти! Используйте опыт терской агитколонны!“ под большим аншлагом напечатано в „Правде“, 17 октября, корреспонденция Славянского от колонны „Боевик“ из Терского округа. Славянский пишет о том с какой яростью и рвением совработники предаются выколачиванию „хлеба насущного“ из Терской области: „Пятые сутки льет дождь, превращая улицы села Горькая Балка в сплошные лужи липкой отвратительной грязи. Холодный ветер яростно лезет под намокшие доотказа плащ и ворот рубашки.

„Но странно, никто из участников п о х о д а этого не замечает с 5 часов утра кипит лихорадочная работа. С 5 часов утра ссыпается хлеб, и в результате все полно. Ссыпать уже некуда, а на элеватор везти невозможно. Тогда представители агитколонны открывают клуб. Выносятся скамейки и... ссыпка продолжается. Чтобы ускорить дело, мобилизуется весь состав колонны вплоть до шоферов и печатников.

„Промокшие забрызганные грязью, забывшие о голоде, работают до поздней ночи участники похода за хлебом“. Северокавказский корреспондент „Правды“ (15 октября) Нюрин пишет о репрессиях имевших место в текущий хлебозаготовительный период по отношению к членам советской администрации: „репрессии в отношении аппарата приняли стихийный характер. Свыше трех тысяч работников подвергнуто различным взысканиям только судебно-административными органами, снятым с работы несть числа. Во многих местах аппарат разгромлен: сменены почти все председатели советов. Конечно, такая система должных результатов не дает. Репрессии потеряли свою остроту, они не чувствительны, ибо приняли массовый характер.

„Руководители окружных партийных организаций считают достаточным, если округ дает правильные и выдержанные директивы. Но вся беда в том, что нет проверки исполнения.

„Руководство приняло гастрольный характер. Никто из приезжающих на место, в село или станицу, не задерживается там за редким исключением более двух часов.

„Что делает „налетчик“ в течение этих двух часов?

„Фотографирует“ действительность — и только. Да и фотографирует-то даже не с точки зрения выполнения тех директив, что посылаются на места. Обычно гастролеры отделываются тремя стереотипными вопросами: о количестве заготовленного хлеба, о количестве репрессий и о том... можно ли пообедать! Предлагают затем „усилить“ и уезжают.

Лежачий хлеб.

Под таким заглавием находим корреспонденцию с Кубани в „Экон. Жизни“, 10 октября: Хлеб заготовленный, но не вывезенный, — плохой это хлеб. На краснодарском жел.-дор. узле — пробка. Вместо суточной нормы в 253 вагона заготовители пред'являют ежедневный спрос на 400—500 вагонов. Дорога не в силах справиться с такой отгрузкой, и выходя из сил, дает в среднем 280—290 вагонов.

Дорога воет. Междуведомственное совещание совещается чуть не каждый день, все соглашаются, что положение ненормально, что надо его исправить. А как исправить? Заготовители обещают исправить положение к концу октября.

Нельзя пройти мимо того, что делается с хлебом в низовых заготовительных пунктах Кубанского округа. От хлеба амбары лопаются. Это не аллегорическое, столь часто употребляемое, выражение, а самое настоящее, которое надо понимать в буквальном смысле. Лопнул амбар от перегрузки хлебом в станице Веселой, Павловского района. В амбаре этом накопилось 300 тонн зерна — не выдержала стена и лопнула. Лопнул амбар сельсовета в станице Бейсугской. Хлебом завалены все станичные мельницы, все амбары кооперации, амбары сельсовета, амбары частных лиц. Вот один из сельсоветских амбаров Бейсугской не выдержал и лопнул. Только после такого конфуза решено экстренно найти 250 подвод.

Но куда повезешь, когда на жел. дороге пробка?

На тихом Дону совсем тихая работа.

Лениво догорает осенняя навигация на тихом Дону, с прискорбием сообщает „Экон. Жизнь“, 10 октября.

По верхнему Дону до ст. Лиски несколько пароходов беспрерывно тянут баржи, насыпанные пшеницей и рожью Пароходы идут медленно и с опаской. Дон мелеет. Перекаты увеличиваются. Путь совершается под непрерывный почти аккомпанимент землечерпалок. С перевалкой хлебогрузов в Лисках совсем неблагополучно. Станция по договору обязалась снабжать грузчиками пароходство для разгрузочно-погрузочных работ, но договор остался только... бумажкой. Он не выполняется.

Затем не хватает барж. Ростов „не дослал“ 6 барж. Элеватор нагружен „до отказа“.

Штурм индивидуальных хозяйств.

Сегодня, в день коллективизации, в Терском округе идет штурмовая атака на индивидуальное хозяйство, пишет Зацепин в „Экон. Ж.“, 13 октября. Вечера пропаганды сплошной коллективизации изобилуют массой каверзных „бузотерских“ вопросов, задаваемых агитаторам. В них так и слышится желание хлеборобов сорвать заседание, посадить в галошу пропагандистов. „Сколько будет получать жалованья товарищ председатель?“ „Кто будет хозяином колхоза?“ — „Дадут ли в колхозе штаны тем, у кого они рваные?“ — „А что если я не выйду на работу?“ — „Что будут делать бабы в колхозе?“ и т. д. Перечень этих каверзных вопросов неисчерпаем. Надо уметь на них ответить, убеждает Зацепин.

Красные, зеленые, белые.

Все тот же Зацепин сообщает „Экон. Жизни“, 23 октября, на этот раз уже из Кубанского округа:

„Квитанции с красной полосой, квитанции зеленые, квитанции белые...

„Квитанции с красной полосой даются сдатчикам хлеба от колхозов, зеленые квитанции тем, кто сдает гарнцевый сбор, а белые — сдатчикам — индивидуальным хозяйствам“. (Цвета, по крайней мере красный и белый должны, очевидно соответствовать красный колхозов — революции, белый индивидуальных хозяйств — контр-революции, пр. ред.)

„У ссыпки тысячи подвод. Работа по приему зерна идет день и ночь. На столе конторщика груды квитанционных книжек всех цветов радуги, — красные, зеленые, желтые, синие, белые. Где тут разбирать? Из какой книжки вырывать квитанцию? получается огромная путаница.

„Всюду где мы ни бывали, огромный недостаток в грамотных счетоводах. Редкий колхоз имеет своего счетовода. В Ставропольском округе есть колхозы гиганты в тысячу дворов, не знающие своей задолженности. Среди счетоводов по станицам не мало ловких махинаторов, умеющих показывать в сводных цифрах заготовок всегда приличный процент выполнения. Они умеют перебрасывать цифры из семенного фонда в заготовки и обратно, — из контрактации в заготовки и обратно, — из пятидневки в пятидневку и т. д.

Два соседних района на Кубани, — Славянский и Абинский — один идет впереди, а другой — в хвосте. В чем дело? Дело в том, что хлеб из одного района идет на пристанские пункты другого и первый район приписывает себе не по заслугам, — он выполняет годовой план с избытком даже до срока.

На Кубани.

Неуспех хлебозаготовок в Колхозах.

Систематические неудачи большевиков на „внутреннем фронте“ вообще и ежегодно повторяющиеся неудачи с хлебозаготовками в частности, привели на мысль организации колхозов. Коммунисты рассуждали так, что мол во главе каждого колхоза поставим надежных людей и что достаточно будет отдать приказание сдать хлеб, как хлеб повезут... в общем все пойдет как по маслу. Но и тут большевики ошиблись. В коллективные хозяйства земледельцы шли исключительно только ради тех материальных выгод, какие давало советское правительство колхозам, а не ради коллективизации, как способа ведения хозяйства, приближающегося к социализации. Словом, советское правительство искусственно создавало благоприятную почву для роста коллективных хозяйств, всевозможно субсидируя и финансируя их. Но вот пришло время уборки плодов большевицких мечтаний. Коллективные хозяйства не повезли свой хлеб ожидающим их большевицким хлебозаготовителям, а поделив урожай между участниками, развезли по домам. Так сталось во многих колхозах на Кубани, где хлебозаготовители не получили ни пуда зерна. Спрашивается, куда же делись хлебные мешки? Сыщики доносят, что беднота — участники коллективных хозяйств тайно реализируют свои мешки на частном рынке, ввиде муки, зарабатывая на том 300—400 процентов, в сравнении с тем, что они получили бы от хлебозаготовителей, сдав урожай зерном.

Слабое поступление хлеба от колхозов об'ясняют также тем обстоятельством, что многие из колхозов весьма увлекались сдачей в аренду своих молотилок, оставив свой хлеб „до поры-до времени“ без обмолота.

Большевики рассчитывали, таким образом, при далеко недостаточном количестве молотилок в Крае, убить два зайца — заработать на обмолоте хлеба у казаков, невходящих в колхозы, забрав по твердым ценам лишки и обмолотить хлеб колхозов — немного позже. Но как и сотни раз раньше, так и на этот раз коммунисты ошиблись в рассчетах. В хозяйствах невходящих в колхозы, в первую очередь хлеб обмолачивался беднякам, потом середнякам, а потом уж „кулакам“. Но при работе слабого качества и недостаточного количества старых молотилок (при соблюдении восьмичасового рабочего дня) в короткий срок обмолотить весь хлеб невозможно (и если еще взять во внимание, что погода иногда неблагоприятствовала), потому хлебозаготовители остались без хлеба с коллективных хозяйств и со столь нетерпимых коммунистами „кулацких“ хозяйств.

Большевики, сознавая полный неуспех их хлебозаготовок в колхозах, но не желая признаться открыто,

попали в тупик собственного доктринерства и не знают как из него выйти. Они прилагали массу энергии, стараний и средств для организации коллективных хозяйств, как источника зерновых рессурсов и вдруг эти ожидаемые источники оказались воздушными замками их больных фантазий. Это во первых. Во вторых, ведя идеологическую борьбу против собственнических тенденций в народных массах, большевики видят, что беднота — участники коллективных хозяйств, также хочет лучше заработать, как и иные общественные группировки, продав дороже продукт своего труда ввиде муки на частном рынке и не сдавать хлебозаготовителям зерном. Таким образом большевики за свои старания получили от бедняка пошечину, но повернутся „лицом от деревни“ не к кому. Бедняк в сущности есть оплот октября, а ориентироваться на иных идеологически невозможно. Уж и так опирались, и на кулака, и на середняка, и на бедняка, теперь лишь остается одно — опереться на босяка.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0·75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Печатается календарь-альманах

„ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА—ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА“

на 1930 год.

В литературно - политическом сборнике-альманахе календаря помещены, между прочим, следующие статьи и произведения:

И. Билый. Казачья Идея.
Ис. Быкадоров. Казакия (историко-географический очерк).
В. Бейсуг. Экономический очерк Казачьих Земель.
С. Федоров. Краткий очерк истории Казачества.
И. Билый. Территория и население Казачьих Земель.
М. Бытынский. Казачьи гербы.
В. П. Елисеев. Два раза под Петроградом.
П. И. Кокунько. Странички прошлого.

и др., равно как и целый ряд произведений казачьей литературы.

Календарь-альманах поступит в продажу в начале декабря.

Предполагаемая цена: в Ч. С. Р. 30 к. ч.; заграницу — 1 ам. доллар.

Каждый казак должен иметь свой, казачий календарь на 1930 год.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.

Р. С. Ф. С. Р.
ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЙСКО
ЧЕЛЯБИНСК
ОРЕНБУРГ
УРАЛЬСК
р. Урал
АКТЮБИНСК
АВТ. НЕМЕЦКАЯ РЕСП.
р. Медведица
УКРАИНА
р. Сев. Донец
р. Дон
НОВОЧЕРКАСС
ТАГАНРОГ
РОСТОВ
МАРИУПОЛЬ
ЕЙСК
ЦАРИЦЫН
р. Волга
УРАЛЬСКОЕ ВОЙСКО (ЯИК)
ГУРЬЕВ
АСТРАХАНСКОЕ ВОЙСКО КАЛМЫКИ
ЭЛИСТА
АСТРАХАНЬ
КИРГИЗЫ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КУБАНЬ
КЕРЧЬ
КРЫМ
ЕКАТЕРИНОДАР
р. Кубань
НОВОРОССИЙСК
СТАВРОПОЛЬ
ТЕРЕК
МОЗДОК
р. Терек
ГРОЗНЫЙ
ВЛАДИКАВКАЗ
ТУАПСЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ГОРЦЫ
ПЕТРОВСК
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АЛЕКСАНДРОВСК
УРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ТУРКМЕНЫ
И. Билый – А. Бутинский – 1929.